
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Я Н В А Р Ъ 1802.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ИСТИНА,

Индѣйская сказка.

Факиръ шелъ по лугу, смотря на конецъ своего носа. Вдругъ земля подъ ногами его издала звукъ, и Факиръ сказалъ: „Въ этомъ мѣстѣ есть пещера, а можеть быть и кладъ; если найду его, то рѣшусь быть совѣстнымъ человекомъ.“

Онъ началъ рыть — открылся сводъ, а подъ сводомъ колодезь, которой безъ сомнѣнїя уже нѣсколько вѣковъ былъ закладенъ. Такая находка, послѣ чрезвычайныхъ трудовъ, не могла его обрадовать.

И такъ не мудрено, что онъ повѣсилъ голову, и съ печальнымъ видомъ

смотря въ колодезь; но вдругъ выходитъ оттуда женщина, мокрая, дрожащая отъ холода и нагая. Факиръ разсматривалъ ее съ восхищеніемъ, и не думалъ сдать ей своей маншіи: ибо женщина была молода и прекрасна!

„О ты, прелестнѣйшая изъ всѣхъ дочерей Браммы!“ говоритъ онъ: „скажи мнѣ, кпо ты, и зачѣмъ купаешься въ колодезѣ?“ — *Я Истина*, отвѣчаетъ она. Факиръ, поблѣднѣвъ, бѣжитъ отъ нее какъ серна отъ шигра, доказывая можетъ быть то, что истина и Факиръ не жалуютъ другъ друга.

Красавица, такимъ образомъ оставленная, идетъ попихоньку въ городъ. Нагая женщина въ числѣ полъ не есть чрезвычайность въ жаркомъ Индѣйскомъ климатѣ. Мимо ее прошли спихотворцы, купцы, Султанши и евнухи.

Видя Истину, спихотворцы говорили: „какъ она суха!“ купцы: „какъ глупа!“ Султанши: „какъ нескромна!“ евнухи: „какъ печальна!“ Никому изъ нихъ она не полюбилась.

Встрѣтился Камергеръ, какого-то Индѣйскаго Двора, пожилой сласполюбецъ, богатой деньгами, но бѣдной силами, которому оставалось только хвалиться прошедшимъ и молчать о настоящемъ.

Однакожь Камергеръ взглянулъ на Истину; примѣшилъ, что у нее самое нѣжное, бѣлое тѣло, и посадилъ красавицу на свои носилки.

Лишь только она сѣла, вдругъ ѣдетъ на Дромадеръ Сулпанова любовница. „Какая странность!“ закричала Истина: „у любимой Сулпанши кривой носъ!“

Придворной запрепеталъ и считалъ себя уже мертвымъ; ибо Султанъ подъ смертною казнію запретилъ говорить о носѣ великой Сулпанши. Индѣйской Камергеръ бросилъ Истину на дорогѣ и сказалъ: „одинъ дуракъ можетъ быть товарищемъ этой болтуньи!“

Она пришла къ городскимъ воропамъ, и спросила у человѣка, роду не знашнаго, гдѣ можно ей ночевать. Онъ повелъ ее къ себѣ въ домъ, и думалъ, что такая красавица будетъ для него кладомъ.

Хозяинъ Истины былъ Журналистъ, которой въ еженедѣльныхъ листахъ своихъ съ великимъ жаромъ и краснорѣчіемъ хвалилъ всѣхъ богатыхъ и знатныхъ людей; за что всякой разъ, когда приходилъ къ нимъ, обѣдалъ съ ихъ лакеями.

Неугомонная гостья распроила весь мудрой планъ хозяина. Бѣдной человѣкъ съ утра до вечера трудился надъ Журналомъ: что же? Истина, не говоря ни

слова, смотрѣла на бумагу, и при концѣ каждой страницы смарывала все написанное. Прошелъ мѣсяцъ: не вышло ни листочка. Визирь разсердился, призвалъ Журналиста, и велѣвъ бѣдняку дать сто ударовъ палкою, дозволилъ ему оправдываться.

Славной писатель убѣдительно и краснорѣчиво доказалъ свою невинность; въ слѣдствіе того Визирь отпустилъ его домой, приказавъ ему дать еще сто ударовъ.

Такой прибавокъ удивитъ нѣкоторыхъ чинашелей; но Визирь былъ человекъ справедливой. Ему хотѣлось только благоприспѣшнымъ образомъ занять Журналиста, чтобы имѣть время схватить въ его домѣ *Истину*; если бы 99 ударовъ были для того достаточны, то онъ, изъ любви къ ближнему, никакъ бы не велѣлъ прибавить сошаго.

Вельможа, завладѣвъ *Истиною*, надѣялся поразить ею своихъ непріятелей; но узнавъ, что Султанъ будетъ къ нему въ гости, испугался слѣдствій его свиданія съ нескромною красавицею, и велѣлъ для общаго блага умертвить ее.

Четыре Эмира взяли и съ великою учтивостію задушили *Истину* шелковыми подушками; опрыскали ароматами бездушное тѣло ея, и бросили его въ садомъ уединенномъ мѣсцѣ сада.

Многіе люди счидаютъ Истину мертвою, потому что они задушили ее; но это ничто иное, какъ заблужденіе. Она всегда на чистомъ воздухѣ оживаетъ; и воскресшая красавица, пользуясь ночью темною, вышла изъ саду.

Она спряталась въ большую Библіотеку, гдѣ Браминны уже 5000 лѣтъ копили умъ человѣческой. Ночь была холодна, и для того *Истина* развела небольшой огонь; бросила въ него книгу, другую, третью — вдругъ пламя обняло всю Библіотеку — и бѣдная *Истина* насилу могла выбѣжать, взявъ съ собою пяць или шесть томовъ.

Библіотека сгорѣла. Знапные невѣжды смотрѣли на пожаръ и говорили съ улыбкою: „какъ весело!“ Надобно знать, что въ Индіи была всегда какая-то непонятная, тайная аншипатія между книгами и невѣждами.

Между шѣмъ Визирь велѣлъ объявить на всѣхъ перекресткахъ о побѣгѣ *Истины*. Ударили въ барабаны; послали всюду гонцовъ, чтобы схватить *Истину*, и представить живую или мертвую въ судилище — чего красавица наша всего болѣе испрашила: ибо Индѣйскіе судьи крайне не любящъ бѣдной *Истины*.

Однакожь ей удалось благополучно выйти изъ города. Она увидѣла, близъ дороги, прекрасной домикъ съ маленькимъ садикомъ. Тутъ жилъ мудрой Пильпай. Истина вошла безъ всякаго опасенія, объявила свое имя и прѣбывала убѣжища.

„Искренность твоя мнѣ любезна,“ сказалъ Философъ: „но я боюсь за тебя. Еслили узнаютъ, что ты здѣсь, то намъ обидѣ будетъ худо. Поди за мною.“ — Они по узкой лѣсницѣ взошли въ галлерей, кошпоя соспавляла верхній этажъ дома.

Тамъ въ большомъ порядкѣ разспавлены были чучелы всѣхъ животныхъ, какъ водится у басенниковъ. Пильпай, указывая на нихъ, сказалъ Истинѣ:

„Когда ты не умѣешь не прятаться, ни молчать, то тебѣ надобно прѣобразиться. Я могу посадить тебя во всякую чучелу, какую выберешь: она въ минуту оживится. Въ этомъ новомъ видѣ будешь говорить, сколько тебѣ угодно, и смѣло можешь сказать самому Визирю, что онъ употребляетъ во зло дѣвственность Султана.“

Истина согласилась, и доказала ему свою благодарность. Геній Философа, воспламененный ея ревностію, озарилъ умы въ Индоспанѣ. Визиря смѣнили, и Пильпай

занялъ его мѣсто. Онъ дожилъ до глубокой старости, наслаждаясь любовію сердцецъ; ибо въ Азіи всего долѣе живутъ люди отъ привычки дѣлать добро, которое есть тамъ самой цѣлебнѣйшей бальзамъ.

Примѣръ споль великаго щасія произвелъ множество подражателей. Чесполюбивыя захопѣли, чтобы Философы раздѣлили съ ними славу *Басни* и наследство *Пильпаево*; но *Истина*, видя ихъ намѣреніе, испалась въ твореніяхъ мудрецовъ, а другихъ предала судьбѣ и безумному ихъ воображенію.

Съ того времени сочинители басенъ раздѣляются на два рода: одни хотятъ учить дружески, а другіе тиранствовать. Объявляя ихъ особенные признаки, мы оказываемъ человѣчеству важную услугу.

Одни громогласно зовутъ къ себѣ народъ, и съ высокаго мѣста кричатъ: „Рабы и невѣжды! внимайте *Истинѣ*; вѣрьте — или вы злодѣи!“

Другіе тихимъ голосомъ и съ покойнымъ видомъ говорятъ страннику: „добро, челоуѣкъ! естли ты веселаго нрава, то посмѣйся съ нами; мы расскажемъ тебѣ *басню*.“

(Изъ Decade.)

Къ несчастью Глубомысловъ болѣе скорѣ, нежели проицательнень; слѣдуетъ первымъ своимъ идеямъ и часто обманывается въ догадкахъ. Но самолюбіе его такъ велико, что онъ никакъ не перемѣнитъ своего мнѣнія; напропивъ, все толкуетъ въ его пользу; видитъ, что обманулся, но клянется, что угадалъ, и скорѣе докажешь ему всякую нелѣпость, нежели ошибку его.

Глубомысловъ женатъ. У жены его есть сестра, Графиня Н., молодая прекрасная вдова, съ которою она очень дружна и почти всякой день видится.

Однажды, возвращаясь домой, Глубомысловъ находилъ ихъ въ кабинетѣ однихъ. У своячины его заплаканы глаза. Видя его, онъ вдругъ вскакиваетъ, пришеваряюща веселыми; шумятъ. Графиня тихонько говоритъ сестрѣ: *рѣди Бога не сказывай мужу!* Мужъ подслушалъ — и голова его въ работѣ.

Какую тайну отъ него скрываютъ? Безполезно спрашивать у жены: она скромна; но нужно ли ему и спрашивать? Еще одно слово, одинъ взглядъ, и наблюдательный Геній его все узнаетъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ прѣзжаетъ къ Графинѣ, съ женою, которая, поцѣловавшись съ нею, спрашиваетъ:

возвратился ли онъ? — „Ахъ, нѣтъ!“ отвѣчаетъ сеспра: „вижу, что и надѣяшься не должно. Такъ и быль!“

Вопросъ и отвѣтъ не показывали ничего таинственнаго; но для Глубомыслова все тайна, все оракуль. Онъ примѣтилъ въ хозяйкѣ глубокую, скрываемую печаль. Въ ея лѣпа что можетъ быльшому причиною, кромѣ невѣрнаго любовника, которой оставилъ ее?

Она нѣжна и чувствительна: безъ сомнѣнїя любила всею душею, спраспно, и забывъ себя! Глубомысловъ шужилъ искренно о судьбѣ ея.

Теперь мнѣ хочется Нѣтъ, не должно Однакожь Право не знаю Чишатели! признаюсь, что мнѣ извѣстна тайна молодой вдовы: сказались ли ее? Можетъ быль искусной повѣствователь нарочно скромностїю своею увеличилъ бы ваше любопытство и непернѣнїе; но я думаю, что вы по крайней мѣрѣ споль же добродушны, какъ мой Герой, и вы конечно шужите о несчастной красавицѣ! Жертвую моимъ самолюбїемъ вашему спокойствїю, и чшобы утѣшить васъ, сказываю заранѣе, что она за нѣсколько дней передъ шѣмъ потеряла любимаго, обожаемаго своего *Зефира*, то есть Англїйскую собаку. Вы можете, вообра-

живъ нѣкоторыхъ дамъ изъ вашего круга, представишь себѣ и ту горестъ, которую чувствовала нѣжная вдова, поперявъ невинный предметъ спраси своей!

Глубоmysловѣ думаетъ совсѣмъ не о собакахъ: это слишкомъ просито! Онъ ищетъ въпреника въ мысляхъ своихъ, и не находитъ. Своячина его живетъ уединенно, и почти никого не видитъ: шѣмъ яснѣе, что она влюблена! Когда человекъ любитъ, всѣ люди ему скучны, кромѣ предмета спраси его.

Въ неперпѣнїи узнать скорѣе всѣ обстоятельство, онъ летитъ опять къ Графинѣ; смотритъ на нее съ великимъ вниманїемъ; вздыхаетъ; говоритъ загадками; даетъ чувствовать, что онъ видитъ ея горестъ; что жена не могла скрыть отъ него тайны. „Однимъ словомъ,“ сказалъ наконецъ Глубоmysловѣ: „я знаю, что мучитъ тебя, любезная сепра! и прїѣхалъ съ тѣмъ, чтобы изъяснить мое сожалѣнїе; а еслили можно, то хотѣлъ бы и облегчить твою справедливую горестъ!“ — Да, смѣйся надо мной! Я знаю, что вы, мужчины, не умѣете сожалѣть о такихъ несчастїяхъ. — „Я беру участїе во всемъ, что касается до моихъ друзей.“ — Впрочемъ брани меня за такую слабостъ; исправь, еслили

можешь; или, лучше сказать, я уже сама исправилась, и поклялась не имѣть въпредъ такихъ безразсудныхъ привязанностей . . . „Оставимъ клятвы, несчастной другъ мой! Развѣ и прежде не клялась ты?“ . . . — Это правда, два или три раза, теряя ихъ. — „Какъ? ихъ было у тебя не болѣе трехъ?“ — Довольно и этого. — „Спало ты не любишь мѣнять.“ — Нѣтъ, я постоянна, и никогда не отдаю ихъ другимъ. — „Увѣренъ.“ — Тѣмъ грустнѣе мнѣ бываетъ; и теперь навсегда отказываюсь отъ этой страсти. — „А я повторю еще разъ: оставимъ клятвы!“ —

Сей разговоръ еще болѣе увѣрилъ Глумыслова въ истинѣ догадокъ его.

На другой день увидѣлъ онъ въ кабинетѣ у жены распечатанное письмо сестры ея. Любопытство и великое желаніе видѣть, сколь прозорливость его удивительна, побѣдили совѣсть — онъ взялъ и прочиталъ.

Послѣ увѣдомленія о цѣнѣ парика и ленты, Графиня писала слѣдующее . . . (и каждое слово было ударомъ для нашего добродушнаго Героя!):

„Я боюсь, чтобы любопытной мужъ твой въ самомъ дѣлѣ не отгадалъ моей горести. Не уже ли ты изменила мнѣ?“

„Однакожь знай, что я нѣкоторымъ образомъ теперь утѣшилась. Съ неперпѣніемъ ожидаю той минуты, въ которую родится мой маленькой другъ... Въ моемъ сердцѣ заступитъ онъ мѣсто отца своего, котораго любила я шакъ безразсудно. Дамъ ему его имя. Надѣюсь, что онъ будетъ такъ же прекрасенъ, какъ отецъ, но только вѣрнѣе его, и не оставитъ меня.“

На сей разъ *Глубомысловъ* огорчился. И такъ нѣтъ сомнѣнія въ моей догадкѣ! Несчастная! въ какомъ состояніи ты имъ оставлена!... Жестокой человекѣ!... Но дѣло сдѣлано. Когда не лзя поправить его, то можно нѣкоторымъ образомъ облегчить судьбу. Графиня не богата: теперь я радъ своимъ деньгамъ, чтобы помочь ей!“

Веселясь такимъ великодушїемъ, онъ нанялъ загородной домъ, бабушку, лекаря — чуть было не купилъ и свивальника; но рѣшился прежде узнать, захочетъ ли Графиня пеленать своего младенца.

Взявъ всѣ мѣры, *Глубомысловъ* поѣхалъ къ ней. Трудно было приступить къ дѣлу. Онъ боялся распротать Графиню; боялся стыда ея; боялся даже предложить ей свои услуги. Будучи отъ природы великодушенъ, онъ хотѣлъ всегда

обязывать людей съ осторожною скромностію.

И такъ Глубоmysловъ началъ опять говорить объ ея несчастіи, о печальномъ его слѣдствіи Какъ! ты еще думаешь объ этомъ? сказала Графиня съ улыбкою. — Какъ не думать! опвѣчалъ онъ: воображаю себя на твоемъ мѣстѣ; и у меня бывали подобныя горести. — „У тебя? можно ли? ты человекъ разсудительной!“ — И потому снисходителенъ къ слабостямъ. Ради Бога скажи, любезная сестра, не нужно ли тебѣ для разсѣянія перемѣнить мѣсто? Не лучше ли выѣхать на нѣсколько времени за городъ? Мы вздумали съ женою нанять загородной домъ. — „Благодарю. Я буду къ вамъ пріѣзжать; но мнѣ надобно теперь жить въ городѣ.“ — Не совѣтую. Люди, публика могутъ узнать причину твоей горести. — „Какая мнѣ нужда? Я не хочу таиться. Пусть говорятъ, что кому угодно!“ — Это очень рѣшительно; но и для самаго здоровья твоего будешь нуженъ чистый воздухъ и покой. — „Я не безумная, чтобы занемочь отъ такого горя.“ — Однакожь, въ швоемъ положеніи „Въ моемъ положеніи? Что хочешь ты сказать?“ — Тебѣ извѣстно, что я догадливъ. — „Пусть такъ: что

же ты угадалъ?“ — Известно и по, что я люблю тебя сердечно; следовательно стою такой доверенности. — „Какой же? въ чемъ?“ — Признайся . . . извини, сестрица; но должно наконецъ сказать прямо . . . Признайся, что ты . . . брюхата (примолвилъ онъ тихимъ голосомъ, пошупивъ глаза въ землю) . . . „Я скорѣе признаюсь, что ты сошелъ съ ума!“ сказала Графиня съ удивленіемъ: „съ чего ты взялъ?“ — Кстапи запираешься! Ты писала къ моей женѣ; я читалъ твое письмо; и еслили надобно все сказать, то знай, что для тебя нанята уже загородной домъ, и что ты непременно должна въ немъ родить! — „Скажи, что съ тобою сдѣлалось? Какой вздоръ!“ . . . Не сердись, не сердись, любезной другъ! Посмотри: вотъ твое письмо! для чего не ошкрышься брату, которой любитъ тебя?

Графиня взглянула на письмо, захохотала, выбѣжала изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась, неся въ прекрасной корзинкѣ маленькаго Англійскаго щенка. — „Вотъ онъ!“ сказала она, умирая со смѣху: „вотъ сынъ, которой въ сердцѣ моемъ займетъ мѣсто отца! Княгиня Н. Н., прежняя Госпожа моего Зефира, которой ушелъ отъ меня, обѣщала

подарить мнѣ его щенка, и я обѣ немѣ
писала! . . . Сестра хотѣла шутить надъ
побою; или это, любезной мой братецъ,
есть одна изъ собственныхъ твоихъ чу-
десныхъ догадокъ, всегда справедливыхъ,
несомнительныхъ!“ . . .

Глубокомысловъ ужаснулся; самолюбіе
его страдало, но не долго . . . онъ вско-
чилъ и ушелъ, говоря себѣ подъ носъ:
„она довольно хитро провела меня; одна-
кожь я видѣлъ по глазамъ ея, что это
обманъ, обманъ! Тунъ кроется тайна,
и я скоро опгадаю истину!“

(Съ Француз.)

III.

Письмо Парижскихъ музыкантовъ къ Гайдену.

Французскіе Артисты, восхищенные
красотами безсмертнаго Творенія міра (*),
изъявляютъ славному Сочинителю искрен-
нюю свою благодарность, и просятъ, что-
бы онъ, въ знакъ ихъ почтенія и энту-
зіазма, принялъ сію золотую медаль. Сей

(*) Эта Орапорія извѣстна Московской Публи-
кѣ. — Парижскіе Журналисты смѣялись надъ
пышнымъ слогомъ сего письма.

великій творецъ ежегодно новыми произведеніями удивляетъ Артистовъ, просвѣщаетъ ихъ, умножаетъ успѣхи Искусства, расширяетъ неизмѣримые предѣлы гармоніи, и доказываетъ ихъ безконечность, къ украшенію настоящаго и къ обогащенію вѣковъ грядущихъ. Но высокая мысль новой Орапоріи еще превосходитъ всѣ произведенія великаго Автора, которыми онъ донинѣ удивлялъ Европу. Изображая въ семъ твореніи *лучъ свѣта*, Гайдень изобразилъ самого себя, и доказалъ намъ, что имя его будетъ сіять, доколѣ не загниетъ навѣки свѣтило дня, котораго лучи онъ, кажется, себѣ присвоилъ. Отдавая справедливость искусству и талантамъ гражданина Гапо, которой столь удачно исполнилъ наше желаніе и вырѣзалъ сію медаль въ честь безсмертнаго Гайдена, мы должны похвалить и благородное его безкорыстіе: онъ не хотѣлъ за трудъ свой ничего, кромѣ славы, имъ чрезъ то заслуженной.

IV.

ЛУДОВИКЪ XVI,

описанный Гм. Сулави (*).

Дофинь, сынъ Людовика XV, нѣсколько лѣтъ прилѣжно занимался воспитаніемъ дѣтей своихъ: Герцога Берри (**), Графа Прованскаго и д' Арпуа.

Послѣдній съ самаго младенчества былъ живаго характера, вѣтренъ, непослушенъ и любилъ забавы. Графъ Прованскаго не имѣлъ въ себѣ ничего опмѣннаго; но Герцогъ Берри показывался всегда тихимъ, важнымъ, скромнымъ — не участвовалъ ни въ какихъ шумныхъ играхъ, никогда не лгалъ, и любилъ всего болѣе рисовать ландкарты или заниматься слесарнымъ искусствомъ.

Дофинь опличалъ его отъ другихъ дѣтей, и Мадамъ Аделаида, которая также была къ нему привязана, часто говорила ему въ шутку: „ради Бога будь смѣлѣе, Берри! шуми, кричи, какъ братъ твой д' Арпуа; перебей весь мой фарфоръ, да будь только живѣе!“ — Но Берри краснѣлся и молчалъ.

(*) Переводъ изъ его Mémoires, недавно вышедшихъ въ Парижѣ.

(**) То есть Людовика XVI.

Учителями его были Лиможской Епископъ Конлозоке, человекъ справедливой, добродушной, но слабой до крайности — и Герцогъ Ла-Вогіонъ, человекъ опытной, знавшій Дворъ и людей, другъ тайный Іезуитовъ и всѣхъ фанатиковъ; онъ произвелъ въ Королѣ ненависть къ Герцогу Шуазёлю.

Когда Герцогъ Берри сдѣлался Дофиномъ, то Мадамъ Аделаида хотѣла ввести его въ Совѣтъ, чтобы онъ узналъ дѣла; но Лудовикъ XV не соглашался, хотя часто говорилъ: „мнѣ хотѣлось бы видѣть, какую роль можетъ играть Берри въ Совѣтѣ!“ Сей молодой Принцъ спрашивалъ его иногда о дѣлахъ; но Король не отвѣчалъ ему.

Робость, благодѣтельность и скромность были главными свойствами Дофина. Онъ не терпѣлъ лести, слушалъ жалобы несчастныхъ, любилъ смотрѣть за работниками во дворцѣ и въ саду, часто самъ трудился съ ними, таскалъ бревна и камни; почилъ, и никакому слесарю не уступалъ въ снальныхъ работахъ. Когда онъ съ черными руками приходилъ къ Дофинѣ, то она въ шутку называла его своимъ Вулканомъ. Эту невинную забаву вмѣнили ему послѣ въ преступленіе!

Царствованіе Лудовика XV наконецъ такъ наскучило Французамъ, что они по смерти его прозвали Лудовика XVI *вождедѣльнымимъ*. Это не нравилось старымъ царедворцамъ, которые и другихъ уговоряли называть Короля *благодѣтельнымъ*. Стихотворцы приняли сіе послѣднее имя. Самъ Лудовикъ, будучи еще Принцомъ и видя общее распутство Двора, говаривалъ, что ему будетъ всего пріятнѣе называться *строгимъ*; но съ легкомысленными Французами онъ не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи.

Лудовикъ XVI былъ недовѣрчивъ къ придворнымъ и не любилъ знапныхъ. Царская власть не льстила ему, но казалась бременемъ. Онъ уважалъ славу Дома своего, и боялся помрачить ее; помнилъ всегда наставленія отца, не любилъ Австрійской Полишки, и во всю жизнь спорилъ о томъ съ Маріею, хотя впрочемъ былъ самымъ нѣжнымъ ея супругомъ.

Лудовикъ восшелъ на пресполъ девятнадцати лѣтъ; не имѣлъ ни малой склонности къ женщинамъ; убѣгалъ опасныхъ красавицъ, и Французы говорили: „развѣ въ немъ не Бурбонская кровь? онъ „будетъ таковъ же, какъ и предки его, когда

„доживетъ до 40 лѣтъ, и когда Марія
„Антуанета наскучитъ ему.“

Въ Королѣ оказалась одна страсть къ звѣриной ловлѣ. Я видѣлъ въ его внутреннихъ комнатахъ шесць большихъ досокъ, на которыхъ означено было число заспръвленной имъ дичи во все время его Дофинства и царствованія. — Сїи комнаты расположены были такимъ образомъ: небольшая зала, убранная эстампами, ему поднесенными, и барельефами, изображающими Бургонской каналь и Шербурскія работы; другая зала, наполненная сферами и всякаго рода математическими орудіями (надобно знать, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ Географовъ Европы и всѣхъ удивлялъ своею памяшью); въ прешей спояло нѣсколько токарныхъ шанковъ, полученныхъ имъ въ наслѣдство отъ Людовика XV (онъ самъ чистилъ ихъ всякой день); въ четвертой были книги, вышедшія во время его царствованія; въ пятой библіотека дѣда его, молишвенники Франциска I, Людовика XIV, и проч. Онъ всегда любовался Дидотовыми изданіями; радовался, что въ его время книгопечатаніе дошло до какого совершенства; и всякая Дидотова книга лежала у него въ особливомъ сафьянномъ футлярѣ. Онъ собиралъ Англійскія

книги, и Парламентскіе споры, напечатанные въ листъ, занимали нѣсколько полокъ въ его кабинетѣ. Тутъ же хранились въ манускриптѣ всѣ планы, какъ можно сдѣлать высадку въ Англіи, большая куча бумагъ, съ собственною его надписью: *тайныя записки моей фамиліи объ Австрійскомъ Домѣ — мои фамильныя бумаги о Стюартскомъ и Ганноверскомъ Домѣ*. Въ другомъ ящикѣ лежали записки о Россіи, извѣстной Рюльеровъ манускриптѣ и примѣчанія на характеръ и царствованіе Великой ЕКАТЕРИНЫ, запечатанные собственною Королевскою печатью.

Надъ Королевскою библіотекою сдѣлана была кузница съ двумя наковальнями, гдѣ Лудовикъ работалъ съ масперомъ своимъ Гаменемъ, который послѣ сдѣлался его предателемъ и дерзнулъ сказать, будто бы Король хотѣлъ оправить его ядомъ. Сей негодной и грубой человѣкъ обходился съ нимъ въ самомъ дѣлѣ какъ съ ученикомъ; онъ былъ его повѣреннымъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; и когда народное Собраніе послало насъ въ Версальской Дворецъ, то Гамень указалъ намъ тайной ящикъ, гдѣ хранилась извѣстная *красная книга* (*), присланная къ нему Королемъ изъ Парижа; изъ чего можно

(*) Книга тайныхъ расходовъ.

заклЮчить, что несчастный Лудовикъ надѣялся возвратиться въ Версалію.

„Король былъ добръ, терпѣливъ, робокъ и любопытенъ,“ говорилъ Гамень: „любилъ спать, а еще болѣе дѣлать замки; уходилъ отъ Королевы и придворныхъ, чтобы пилить и ковать со мною; боялся людей, боялся ихъ насмѣшекъ, и мы съ величайшею тайноспію упражнялись въ нашемъ дѣлѣ.“

Надъ кузницею былъ бельведеръ, гдѣ часто Лудовикъ сиживалъ на креслахъ и смотрѣлъ въ трубку на Парижскую дорогу и на окрестности. Онъ сердечно любилъ Дюрета, своего камердинера, коимъ острилъ его инструменты, наклеивалъ ланцкарны, и выбиралъ ему по глазамъ лорнеты. Сей добродушной Дюретъ и другіе слуги не могутъ безъ слезъ говорить о немъ.

Лудовикъ до 24 лѣтъ былъ слабого здоровья, но вдругъ началъ полнѣть и сдѣлался наконецъ удивительнымъ образомъ силенъ. — Онъ соединялъ въ себѣ двухъ человекъ; былъ уменъ и свѣдущъ, но чрезвычайно слабъ въ разсужденіи воли своей; зналъ весьма твердо исторію своей фамиліи и первыхъ домовъ Франціи; онъ самъ написалъ прекрасное наставленіе для путешествія Ла - Перузова,

за которое Министръ похвалилъ Академію, думая, что она сочинила его.

Лудовикъ могъ помянуть удивительное множество чиселъ и мѣстъ. Однажды Министръ показалъ въ расходѣ два раза одну сумму. „Эпо было уже въ прошлогоднемъ счетѣ,“ сказалъ Король: „справьшесь, и вы увидите свою ошибку.“

Всякая несправедливость прогала его до глубины сердца; тогда онъ выходилъ изъ себя, бранился и требовалъ немедленнаго повиновенія; но въ важныхъ дѣлахъ не умѣлъ ни хотѣть, ни лелевать. Лудовикъ на тронѣ былъ самое то, что многие люди въ обществѣ: не имѣлъ собственнаго о вещахъ мнѣнія, полагался всегда на какого нибудь Министра, и хотя чувствовалъ, что въ Совѣтѣ говорилъ справедливѣе другихъ, но не смѣлъ сказать: *я считаю лучшимъ то или другое мнѣіе.* Вотъ причина всѣхъ бѣдствій Франціи! Сперва былъ у него въ довѣренности Морепа, а потомъ Вержень; но шутъ, къ несчастью, начала мѣщаться въ дѣла Королева; съ 1782 года, еще къ большему несчастью, онъ слушался разныхъ; не могъ пользоваться совѣтомъ добродѣтельныхъ; зналъ людей только по книгамъ, и долженствовалъ управлять народомъ испорченнымъ! Числая, непороч-

„думая о предметѣ кровопролитія, въ
 „изступленіи своемъ веселился общимъ
 „бѣдствіемъ.

„Между тѣмъ внутри чертоговъ раз-
 „давалось стenanіе, царствовалъ мятежъ
 „и безпорядокъ. Монарху представляли,
 „что онъ долженъ показать себя достой-
 „нымъ великихъ предковъ своихъ; что
 „самое отчаяніе должно быть его крѣпо-
 „стію; что воины еще вѣрны, и народъ
 „не врагъ ему; что самое ужасное для
 „него бѣдствіе есть то, въ которое
 „онъ самъ себя ввергаетъ; что смерть
 „можетъ быть слѣдствіемъ его обороны,
 „но что и покорность не спасетъ его
 „жизни; что отъ него зависитъ выборъ:
 „умереть отъ руки палача, или на полѣ
 „чести.

„Монархъ не внималъ отважнымъ и
 „рѣшительнымъ совѣтамъ; но сердце его
 „спрадало за дѣтей и супругу. Мысль,
 „поручить ихъ жизнь милосердію раздра-
 „женнаго сопротивленіемъ непріятеля,
 „ужасала его. Окруженный семействомъ,
 „вышелъ онъ изъ чертоговъ въ печальной
 „одеждѣ, въ глубокой горести. За нимъ не-
 „сли (подобно какъ на погребеніи) сына
 „его, еще младенца. Тщешно нѣкоторые
 „изъ народа изъясляли чувствительность

всѣ прекрасныя Фенелоновы идеи, то онъ прославилъ бы Францію и себя.

Министры писали для него рѣчи, но онъ поправлялъ ихъ, искалъ всегда *собственнаго*, лучшаго слова, и находилъ его; но въ письмахъ не думалъ никогда о правильности выраженій.

Лудовикъ не любилъ красиваго Неккерава слога и не терпѣлъ бранныхъ выраженій Министра Морща. На многихъ предложеніяхъ, ему поданныхъ, видѣлъ я надпись его руки: *не годится*; а на другихъ писалъ онъ свои замѣчанія, которыя доказываютъ, что разумъ его предвидѣлъ будущее. Нещастный! въ одномъ мѣстѣ онъ написалъ, что если исполнишь *такое и такое* предложеніе, то Монархія погибнетъ; а черезъ нѣсколько времени согласился на оныя въ Совѣтѣ!

Лудовикъ удалилъ Тюрго, Мальзерба, С. Жермена, Неккера, Калоня, Ломени, для того, что онъ предвидѣлъ нещастныя слѣдствія ихъ системы. Упрямой Тюрго, видя, что его планы не исполняются, въ горячности написалъ къ нему, что Король, управляемый придворными, не минуешь судьбы Карла I или Карла IX. Я самъ видѣлъ сіе письмо. Лудовикъ положилъ его въ пакетъ, запечаталъ и надписалъ: *письмо господина Тюрго.*

Однажды Графъ д' Артуа хотѣлъ удариться съ нимъ объ закладъ, и предложилъ тысячу луидоровъ. Я не такъ богатъ, какъ ты,“ опевѣчалъ ему Король: „экую, естли угодно, могу проиграть тебѣ, а не болѣе.“ Узнавъ, сколько Г. д' Анжевиле издержалъ на опдѣлку нѣкоторыхъ комнатъ во дворцѣ, Лудовикъ разсердился, и сказалъ: „я оцѣстливилъ бы этою суммою придцать семействъ!“

Доска, съ надписью *Refurrexit* (*воскресѣ*), которую при его восшествіи на тронъ прибили ко стѣнѣ Генриха IV, упѣшила его несказанно. *Прекрасно, прекрасно!* говорилъ онъ: *самъ Тацитъ не могъ бы сказать сильнѣе и короче.* Черезъ нѣсколько времени шайные злодѣи Двора сняли эту доску и прибили ко стѣнѣ ненавистнаго Лудовика XV. Король, узнавъ о томъ, залился слезами, ушелъ въ свою комнату и занемогъ лихорадкою. По сему можно судить, сколь чувствительно было нѣжному сердцу его, когда въ началѣ Революціи народъ кричалъ, что Король не любитъ его!

Лудовикъ съ самаго младенчества привязанъ былъ къ Религіи; но Тюрго вселилъ въ него равнодушіе къ церковнымъ распрямъ и терпимостъ въ разсужденіи несогласныхъ вѣрѣ. Революція сдѣлала его еще гораздо набожнѣе.

Я читалъ всѣ бумаги Людовика XVI, и долженъ по любви къ истинѣ сказать, что каждое слово, имъ написанное, доказываетъ ревность его ко благу Франціи.

V.

Письмо изъ Парижа.

Ежемесячная картина Парижа съ нѣкопорого времени представляетъ только однѣ новыя опшѣнки, едва замѣтныя. Уже прошли (къ утѣшенію добраго сердца!) тѣ времена, когда всякой мѣсяцъ, всякая недѣля заключала въ себѣ особенное приключеніе или грозила новымъ ударомъ; когда всякая публичная рѣчь, всякая новая книга была пророчествомъ бури. Привычка къ сильнымъ движеніямъ и всеобщая усталость прохладили насъ даже къ самымъ важнымъ вещамъ; но за то сохранили мы въ цѣлости наше старинное Парижское любопытство къ бездѣлкамъ.

На примѣръ, очень мало занимаясь открытіемъ Амьенскаго Конгреса, новымъ гражданскимъ уложеніемъ и блестящимъ изображеніемъ Ресублики, представленнымъ Законодательному Совѣту, мы говоримъ съ великимъ жаромъ — о новой

голубой ливреѣ съ серебрянымъ галуномъ, въ которую Бонапарте нарядилъ своихъ лакеевъ; и замѣчаемъ, что прежніе Королевскіе Шталмейстеры были точно такъ одѣты!

! Вообще Консулъ вводитъ большую придворную пышность. Насмѣшники говорятъ, что эта слабость весьма свойственна и новымъ богачамъ, и новымъ дворянамъ, и новымъ Царямъ!

Дюрокъ, объѣздивъ весь сѣверъ, въ награду за труды свои будетъ (какъ говорятъ) пожалованъ въ *начальники Консульскаго замка*, *gouverneur du palais des Consuls*. Это новое мѣсто напоминаетъ чинъ прежнихъ начальниковъ Фонпенблосскаго и Компіенскаго дворца.

До сего времени единственнымъ Консульскимъ Церемонимейстеромъ былъ Совѣтникъ Бенезекъ: онъ принималъ иностранныхъ Министровъ, разсылалъ билеты для приглашенія къ Консульскому обѣду, и проч. Теперь Бенезекъ отправленъ въ С. Доминго для важнѣйшаго дѣла, то есть для гражданскаго устройства сей Колоніи; а должность его поручена чешыремъ *Префектамъ замка*, изъ которыхъ двое должны быть съ Консуломъ при всякой церемоніи, или при вся-

комъ чиновномъ представленіи. Когда Бонапарте присутствуетъ въ Совѣтѣ, одинъ изъ Префектовъ сидитъ за его креслами. Имъ опредѣлено жалованья по 25 тысячъ франковъ въ годъ (около 8500 рублей). Бонапарте выбралъ для сей должности такихъ людей, которые по своему прежнему сословію знаютъ свѣтъ и хорошій тонъ.

Два рода людей не довольны Консульскою пышностію: несчастные, презрѣнные и достойные презрѣнія Якобинцы и жаркіе Роялисты. Первые хотѣли бы, чтобы Консулъ жилъ въ хижинѣ, ходилъ въ замаранномъ серпукѣ и самъ отворялъ двери для входящихъ; а вторые думаютъ, что онъ не великими своими дѣлами и не мудрымъ правленіемъ, а пышностію утверждаетъ Консульскій тронъ свой, и слѣдственно опирается у нихъ надежду видѣть контрѣ - революцію!

Бонапарте, возстановивъ Религію, заслужилъ похвалу Европы. Вольнодумцы и ши кричали, что онъ хочетъ быть врагомъ терпимости и признать Каполическую Религію единственною и государственною. Они ошиблись: Консулъ только для самого себя предпочитаетъ вѣру отцовъ нашихъ, и Правительство, назначая жалованье для Каполическаго Духо-

венства, опредѣлитъ содержаніе и для Протестантскаго; слѣдственно у насъ нѣтъ *исключительной* Религіи. Такъ называемый *Конкордатъ* (или дружелюбное условіе съ Папою) будетъ скоро предложенъ Законодательному Совѣту для утвержденія. Папа даетъ Консулу право наименовать всѣхъ Епископовъ Франціи. — Бонапарте возобновляетъ придворную Тюлерійскую церковь и выписываетъ для нее изъ Италіи музыкантовъ.

Правительство съ великою ревностію занимается исправленіемъ дорогъ, и не жалѣетъ денегъ; но по сіе время опредѣлена только одна Амьенская дорога.

Въ Парижѣ еще не много знаменитыхъ чужестранцевъ. Консуль весьма учтиво и ласково обходится съ Англичанами. За нѣсколько дней передъ симъ сказали ему въ спектаклѣ, что цѣлая ложа наполнена Англичанами. Онъ хотѣлъ знать имена всѣхъ, и услышавъ, что между ими былъ Милордъ Броунъ, велѣлъ позвать его къ себѣ въ ложу, хотя и не зналъ его лично.

Графъ Румфортъ, славный въ Европѣ изобрѣщеніемъ экономическаго супа для бѣдныхъ, теперь въ Парижѣ, и вмѣстѣ съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ осматривалъ наши благодѣтельные заведенія.

Всего болѣе хвалилъ онъ пакъ называемый *домъ призрѣнія*, снова открытый, и въ самомъ дѣлѣ достойный удивленія всѣхъ друзей человечества. Госпожа Дюло есть начальница его. Множество прекрасныхъ молодыхъ дѣвицъ, пылающихъ ревностію добродѣтели, учаща тамъ искусству ходить за больными и приготавливать лекарства; послѣ чего главная надзирапельница отправляетъ ихъ служить человечеству въ разныя больницы. Одна Религія можетъ вселять такую героическую ревность въ женскія, нѣжныя души! Сіи дѣвицы, называемыя *сестрами милосердія*, носятъ монашеское платье, но не постригаются, и могутъ возвратиться въ свѣтъ; однакожь рѣдко пользуются этою возможностью. Бонапарте воскресилъ сей благодѣтельный Орденъ; госпожа Дюло была еще прежде Революціи его начальницею; теперь у нее болѣе шестидесяти ученицъ.

Изъ всѣхъ нашихъ театровъ самый лучшій есть такъ называемый *Французскій Театръ*, представляя славнѣйшія произведенія нашей Драматической Музы и соединяя въ себѣ лучшіе актерскіе таланты. Бонапарте бываетъ въ немъ чаще, нежели въ другихъ. Тальма 8 или 10 лѣтъ былъ единственнымъ славнымъ

актеромъ въ трагедіи: теперь молодой человекъ двадцати-трехъ лѣтъ, именемъ Лафонъ, превосходитъ его въ сильныхъ движеніяхъ сраспи, играя ролю Оросмана и Танкреда. Госпожа Конта, Моле и Флери совершенны въ Комедіи; знатоки говорятъ, что никто изъ прежнихъ актеровъ въ семь родъ не можеть съ ними равняться. — Здѣсь открылся и Нѣмецкой театръ. Актеры посредственны, зала дурна и холодна, но музыка прекрасна.

Нынѣшняя Парижская роскошь описывается еще Революціею и показываетъ дурной вкусъ новыхъ богачей, обнаруживаясь всего болѣе въ платьи и въ домашнихъ приборахъ. Мы надѣемся, что блескъ Правленія и спеченіе знаменитыхъ иностранцевъ возвратятъ намъ прежній лучший вкусъ въ жизни. Говорятъ, что въ нынѣшнюю зиму откроются здѣсь разные *хорошіе дома*, въ которыхъ, послѣ всѣхъ Якобинскихъ тревогъ, мы снова будемъ учиться свѣтскимъ тонкостямъ.

Въ модахъ нашихъ мало переменъ. Только съ нѣкотораго времени мужчины уже менѣе подражаютъ Англійскимъ модамъ и выдумываютъ Французскія; а женщины слѣдуютъ вдохновенію своего вкуса, и каждая отличаетъ отъ другихъ какими

нибудь опшѣнками ея собственнаго изобрѣшенія.

Литпература наша состоитъ вся въ Журналахъ. Однакожь намъ обѣщаютъ и нѣсколько книгъ; между прочими сочиненіе бывшаго Маркиза Бонналя о разводѣ, слѣдственно противъ развода: ибо у насъ теперь въ модѣ отвергать его. Вотъ что говоритъ о семъ произведеміи полкъ чело-вѣкъ, копорый едва ли не всѣхъ лучше пишетъ нынѣ по - Французски (*):

„Чтобы лучше изобразить предметъ
 „свой, Г. Бонналь объемлетъ всѣ части гра-
 „жданской системы. Давно уже не находили
 „мы въ сочиненіяхъ такой силы и основа-
 „тельности. Мысли Автора принадлежатъ
 „къ высочайшей Философіи; Логика его
 „разительна, а въ послѣднихъ главахъ
 „онъ торжесивуетъ краснорѣчіемъ, опро-
 „вергая разводъ умомъ и чувствительно-
 „сію. Кажется, что важныя политическія
 „обснотельства имѣютъ силу произво-
 „дитъ великіе таланты: теперь Законо-
 „дательный Совѣтъ долженъ разсуждать
 „о важнѣйшемъ предметѣ гражданскаго

(*) Думаю, что Авторъ письма говоритъ о Фонпанѣ, копорый еще и во время Вольперово извѣщенъ былъ своимъ переводомъ *Опыта о челоѣкѣ*. Французы при всякомъ случаѣ жалу-ются, что у насъ нынѣ мало хорошихъ писа-телей.

„общества, и въ то самое время является
 „новой Авторъ, который рѣшилъ вопросъ
 „самымъ удовлетворительнымъ образомъ,
 „и первымъ своимъ твореніемъ равняется
 „уже съ нашими славнѣйшими Писате-
 „лями.“

(Изъ Мод. Маг.)

VI.

Король Цесарь, Негръ въ Америкѣ.

Томасъ Кошинъ, Издатель Американскихъ вѣдомостей, подъ именемъ The Salem Gazette, въ Іюль мѣсяцъ прошедшаго года пишетъ, что „морской Капитанъ Маршъ, находящійся въ службѣ Соединенныхъ Американскихъ Обласпей, въ Іюнѣ мѣсяцъ привезъ съ собою въ Новый Йоркъ одного путешественника, которой разсказываетъ слѣдующій любопытный анекдотъ :

„За пять лѣтъ передъ симъ со мно-
 „гими другими невольниками привезли
 „изъ Африки въ Нью-Провиденсъ одного
 „Негра, которой называлъ себя Королемъ
 „Цесаремъ, и отличался умомъ, рѣдкими
 „способностями и твердостію. Онъ былъ
 „начальникомъ небольшого Африканскаго
 „народа, воевалъ съ сосѣдственнымъ Коро-

„лемь, и попался въ плѣнъ непріятелю,
 „которой продалъ его Англійскому Капи-
 „тану, а сей Американекому купцу. Це-
 „сарь не могъ сносить рабства, и скоро
 „ушелъ въ лѣса вмѣстѣ съ другими не-
 „вольниками, которые выбрали его въ свои
 „предводители. Онъ поселился въ самомъ
 „непроездномъ мѣстѣ лѣса, вырылъ пе-
 „щеры, и окружилъ ихъ глубокими рвами,
 „жилъ какъ независимой Царь, господ-
 „ствовалъ, и часто съ Неграми своими
 „опуспошалъ ближнія селенія.

„Прошло такимъ образомъ года че-
 „тыре. Губернаторъ Багамскихъ острововъ
 „обнародовалъ, что всѣ Негры, живущіе
 „въ лѣсахъ, могутъ возвратиться безъ
 „всякаго опасенія къ господамъ своимъ,
 „и не будутъ наказаны. Это объявленіе
 „не произвело бы никакого дѣйствія,
 „если бы Губернаторъ не прибавилъ,
 „что всякой Негръ, которой представитъ
 „ему Цесаря, живаго или мертваго, полу-
 „читъ вольность и 1000 *долларовъ* награ-
 „жденія. Такое обѣщаніе поколебало одного
 „изъ товарищей Цесаревыхъ: онъ долго ис-
 „калъ возможности, и наконецъ застрѣлилъ
 „его въ уединенномъ мѣстѣ. На другой день
 „пѣло страшнаго Цесаря было принесено
 „въ Нассау, и жители несказанно обра-
 „довались. Однакожь нѣкоторые жалѣли

„объ немъ какъ о рѣдкомъ, удивительномъ
„человѣкѣ, достойномъ лучшей доли.

„Смерть его привела въ ужасъ всѣхъ
„его товарищей; они оставили свой укрѣ-
„пленной станъ и разбѣжались. Съ того
„времени жители Нассавскіе съ великимъ
„любопытствомъ ходятъ въ этотъ лѣсъ,
„удивляясь жилищу Цесаря. Онъ сдѣлалъ
„тамъ совершенную крѣпость, а въ пеще-
„рахъ маленькіе домики. Въ одной изъ нихъ
„нашли собственноручныя чертежи,
„которыя весьма правильно изображали
„разныя укрѣпленія, и (что еще любо-
„пынѣе) большую кипу манускриптовъ,
„непонятныхъ жителямъ.

„Путешественникъ, которой все это
„разсказывалъ, подарилъ Издателю вѣдо-
„мостей одинъ изъ сихъ манускриптовъ.
„Г. Кошинъ приглашаетъ Американскихъ
„Ученыхъ изслѣдовать эту любопытную
„рукопись. Ему кажется, что буквы ея
„похожи на Китайскія.“

VII.

ОСТРОВЪ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

*Письмо Англійскаго путешественника
къ другу его.*

Я пишу къ тебѣ изъ земнаго рая. Вообрази себѣ между Африки и Америки, среди Океана, въ отдаленіи отъ земли, прекрасный садъ, имѣющій въ окружности своей верстѣ двадцать, разведенный въ отвѣрстіяхъ скалы, неприступной со всѣхъ сторонъ, кромѣ одного мѣста! Время покрыло граниты растительною и весьма плодоносною землею фута на полтора въ глубину; и на ней растутъ деревья померанцевыя, фиговые, гренадныя, кофейныя, среди пшеницы, всякихъ поваренныхъ травъ, Американскихъ и Европейскихъ плодовъ. Подлѣ цвѣтущаго дерева представляется глазамъ того же роду другое, на которомъ плодъ зеленѣетъ, и претъе, на которомъ онъ уже созрѣлъ; кругомъ же возвышаются горы, видимыя за сто верстѣ съ моря, и покрыныя вѣчно — зелеными деревьями. Издали сей островъ кажется островомъ Калипсы; а спустивъ на него, путешественникъ ду-

масть, что сердце его сыскало наконецъ
обитель мира и щастія,

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣстникъ, пѣтель,
Не будишь щасшливыхъ во снѣ!

Воздухъ чистъ, небо ясно, все покойно
и весело. Здоровье цвѣшетъ на лицѣ жи-
телей: и здѣшнихъ уроженцевъ, и тѣхъ,
которые, будучи изнурены климатомъ
восточной Индіи, прѣзжаютъ сюда ле-
читься въ обѣщаныхъ кропкой Натуры.
То же дѣйствіе видно и на самыхъ Нег-
рахъ, или, лучше сказать, Мулатахъ (*):
ибо давно уже запрещено впускать Не-
гровъ въ сію щасливую Колонію, и все-
гдашнее соединеніе двухъ родовъ болѣе и
болѣе истребляетъ Африканскую черношу
кожи. Дѣти, происходящія отъ сихъ бра-
ковъ, не только бываютъ опмѣнно строй-
ны, не только удивляютъ рѣдкою правиль-
ностію во всѣхъ чертахъ; но и самую
свѣжестію розоваго лица, на которомъ
мелькаютъ смуглыя опмѣнки, могутъ
прельстить глаза Европейца. Красавицы
Мулатскія показались бы еще пріятнѣе,
если бы не затемняли ихъ дочери Евро-

(*) Смѣсь Негровъ съ Европейцами.

нейскихъ колонистовъ — женщины несравненныя! Я не могу говорить объ нихъ безъ восторга. Представь себѣ, любезной другъ, красоту Черкешенокъ, милость Англичанокъ, Европейскія пріятности и невинность Папратархальной жизни: въ нихъ все найдешь!

Въ какихъ обстоятельствахъ и въ какое время не захотѣлъ бы человекъ видѣть такое благословенное мѣсто! Но съ какою же радостію выходишь на сей берегъ путешественникъ, копорой проплылъ восемь или девять тысячъ верстъ, долгое время не видавъ ничего, кромѣ неба, волнъ морскихъ и скучнаго корабля своего! За то всѣ мореплаватели на пути въ Индію, или возвращаясь въ Европу, пристають здѣсь, чтобы запасись всякаго рода зеленью и мясомъ. Бываетъ, что жипели (то есть, 300 или 400 семействъ и 500 человекъ Англійскаго гарнизона), продавъ имъ почти всю скотину, сами нѣсколько времени терпятъ недостатокъ въ свѣжемъ мясѣ. Но щедрая Природа скоро надѣляетъ ихъ новымъ избыткомъ; ибо здѣшній климатъ благопріятствуетъ скоповодству. На примѣръ, въ Англїи бьютъ быковъ пяти лѣтъ, а здѣсь трехъ. Иногда отъ засухи жители не имѣютъ корма для скотины, и переводятъ ее; но

засухи бывають очень рѣдко. На островѣ Св. Елены неизвѣспны также и сіи безпрестанные, проливные дожди, которые раждають столько болѣзней въ нашихъ колоніяхъ; здѣсь легкія облака, покрывая ясное небо, орошають землю однимъ тихимъ, благотворнымъ дождемъ. Хотя островъ лежитъ подъ десятымъ градусомъ широты, но жители не знаютъ, что такое змѣя или другое ядовитое насѣкомое. Они боясь только саранчи, которая опустошаетъ иногда поля ихъ; тогда имъ привозятъ хлѣбъ изъ Англіи. Однакожь никогда не бываетъ у нихъ совершеннаго недостатка, которой въ ихъ положеніи могъ бы имѣть ужасныя слѣдствія. Огороды и деревья всегда надѣляютъ жителей зеленью и плодами; сверхъ того море вокругъ ихъ наполнено прекрасными рыбами, которыхъ считается здѣсь до семидесяти родовъ. Такимъ образомъ благотворная Натура все придумала для сего щастливаго острова.

Я живу въ единственной улицѣ единственнаго городка на островѣ. Тутъ живетъ Губернаторъ, и всѣ путешественники могутъ находить пристанище. Этотъ городокъ построенъ на прекрасной долині, которая съ самаго нашего пріѣзда имѣетъ видъ ярманки; часа два мы

лирическою поэзією Тести, Филикаи; Англія гордилась Мильтономъ и Драйденомъ: но гдѣ найдемъ вмѣстѣ, и (пакъ сказать) въ одномъ обществѣ чудесное множество превосходныхъ дарованій, равныхъ только между собою? Корнель, духъ творческій, первый въ искусствѣ возвышать душу и постигать *высшее* (*); Мольеръ, Поэтъ-Философъ, первый живописецъ человѣческихъ слабостей; Лафонтенъ, несравненный въ милой простотѣ и въ щастливой легкости слога; Паскаль, Депрео, *утвердители* (пакъ сказать) Французскаго языка, одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ, первые образцы въ трудномъ искусствѣ *поднимать слова мыслямъ*; Расинъ, первый еще въ важнѣйшемъ искусствѣ говорить съ сердцемъ, единственный соперникъ Виргилія въ поэтической пріятности, чистотѣ и гармоніи; Боссюэтъ, первый въ краснорѣчїи Генія; Фенеломъ, первый въ краснорѣчїи добродѣтели — сіи великіе таланты сіяли въ одной Франціи; но успѣхи разума были вездѣ удивительны. Гугенсъ открылъ въ Голландіи теорію средоточій колебанія и угадалъ ончасни теорію силъ центральныхъ; Невтонъ въ Англіи, Лейб-

(*) Sublime.

столь же бурной, сколь ихъ жизнь тиха и спокойна — не думай, чшобы они завидовали намъ, и желали сѣсть на корабль нашъ! Щаспливые цвѣшущимъ здоровьемъ и сельскими упражненіями, копорыхъ успѣхъ составляетъ ихъ пріятность; щаспливые невиннымъ спокойствіемъ единообразныхъ дней оживляемыхъ иногда прибытіемъ кораблей Европейскихъ, они по отъѣздѣ нашей немедленно возвращаются въ смиренныя свои домики и займутся сельскими работами, въ ожиданіи другихъ мореплавателей, которые привезутъ съ собою новыя веселья и праздники для маленькой, любезной колоніи! . . .

Вчера видѣлъ я, въ двухъ миляхъ отсюда, примѣчанія доепойную вещь; а именно, скалу, стоящую на двухъ другихъ скалахъ: когда ударишь въ нее камнемъ, то звукъ раздается почти на цѣлую милю — и проч.

(Изъ Moniteur.)

БОНАПАРТЕ ВЪ ПИРАМИДѢ.

(Переводъ изъ Описанія Египетской
Экспедиціи.)

25 Термидора Бонапарте со многими Генералами и Членами Народнаго Института отправился къ большой пирамидѣ, называемой Хепосомъ, гдѣ ожидали его Иманы, чтобы показать ему внутренность ея. Въ 9 часовъ утра онъ былъ уже на горѣ Гизело, осмотрѣлъ пять маленькихъ пирамидъ и съ великимъ вниманіемъ устремилъ взоръ на большую; послѣ чего вошелъ въ ея внутренность, и увидѣлъ каналъ, длиною во сто сажень, коюрой привелъ его къ галлерей, гдѣ погребенъ былъ Фараонъ, строитель сего монумента, и гдѣ показывающъ мумію жены его. Бонапарте сѣлъ на опломкѣ граница и велѣлъ Иманамъ, Сулейману Ибрагиму и Мугамеду, сѣсть подлѣ себя. Въ присутствіи своихъ Генераловъ онъ разговаривалъ съ ними такимъ образомъ:

Бонапарте.

Велихъ Господь, и чудесны дѣла Его! Мы видимъ здѣсь славное дѣло рукъ человеческихъ. Какое намѣреніе имѣлъ строитель сей пирамиды?

Сулейманъ.

Сильный Царь Египетскій — думаютъ, что имя его было Хепосъ — построилъ ее. Онъ хотѣлъ удалить нечестивыхъ отъ мирнаго своего праха.

Боналарте.

Великій и мудрый Киръ хотѣлъ по смерти своей лежать на землѣ, чтобы тѣло его возвратилось въ стихіи. Ключъ изъ нихъ мудрѣе?

Сулейманъ (низко кланяясь).

Слава тому, кому слава подобаешь!

Боналарте.

Великъ Алла! — Какой Государь велѣлъ открыть пирамиду и нарушилъ спокойствіе могилъ?

Мугамедъ.

Повелишель вѣрныхъ, Магомешъ, который за нѣсколько вѣковъ предъ симъ царствовалъ въ Багдадѣ; или, какъ говорятъ другіе, Ааронъ Алрашидъ (да будетъ миръ праху его!) думая, что здѣсь хранятся сокровища. Но въ сей залѣ, по древнему преданію, его Министры нашли однѣ муміи, а на стѣнѣ слѣдующую златую надпись: *нечестивый не знаетъ страха, но совѣсть мучитъ его.*

Боналарте.

Хлѣбъ , похищаемый злобыми , на-
полнишь уста его пескомъ горящимъ.

Мугамедъ (кланяясь)

Тако вѣщаетъ премудрость!

Боналарте.

Слава Всевышнему! Алла есть Алла;
Магомешъ пророкъ его; я другъ Магоме-
шовъ.

Сулейманъ.

Миръ и благо послами Алла! благо-
тебѣ , вождю непобѣдимому , любимцу
Магомета!

Боналарте.

Иманъ! благодарю тебя. Божествен-
ный Алкоранъ питаетъ душу мою , уве-
селяетъ глаза мои. Я люблю пророка , и
надѣюсь скоро почтить могилу его во
святомъ градѣ. Но прежде должно мнѣ
испробить Мамелюковъ.

Ибрагимъ.

Ангелъ победы да свѣтъ прахъ съ-
пути твоего, и да осѣнитъ тебя крылами
своими! Мамелюкъ достоинъ смерти.

Боналарте.

Онъ убитъ и преданъ чернымъ Ан-
геламъ, Монкиру и Квакиру. Алла, одѣ

котораго все зависишь, повелѣлъ испре-
бись его.

Сулейманъ.

Онъ простираетъ хищную руку свою
на земли, на богатыя нивы и на коней
Египетскихъ.

Боналартъ.

На коней и на прекрасныхъ невольницъ,
Иманъ почтенный. Алла изсушилъ руку
Мамелюка. Когда Египетъ принадлежитъ
ему, то пусть объявитъ онъ права свои,
отъ Аллы полученныя! Но Алла справед-
ливъ и милосердъ къ народу своему.

Ибрагимъ.

О ты, храбрѣйшій изъ дѣтей Иесовыхъ!
Всевышній далъ тебѣ въ помощники Ан-
гела испребишеля, да избавишь землю
Египетскую.

Боналартъ.

Сія страна носила цѣпи двадцати-че-
тырехъ мятежниковъ, враговъ Султана,
нашего друга (котораго да прославитъ
Алла!) и десяти тысячъ Грузинскихъ не-
вольниковъ. Адріилъ, Ангелъ смерти, ду-
нулъ на нихъ: мы пришли — и гдѣ они?

Мугамедъ.

Славный потомокъ Александра! честь
твоему непобѣдимому оружію и внезап-

попы грому, лепящему изъ рукъ коннаго воинства своего (*)!

Бонапартъ.

Не уже ли думаешь, что сей громъ есть дѣло рукъ человеческихъ? Алла вручилъ его мнѣ чрезъ Генія войны.

Ибрагимъ.

Мы зримъ въ дѣлахъ твоихъ Аллу. Ты не могъ бы побѣдить безъ воли его. Въ Дельтѣ и во всѣхъ странахъ Египетскихъ гремятъ чудеса твоей храбрости.

Бонапартъ.

Скажу — и небесная колесница поднимется на воздухъ, и по желѣзной нити ниспадетъ молнія на землю (**)!

Сулейманъ.

И великая змѣя, которая въ день торжественнаго прибытія твоего во градъ Александра вышла изъ земли и легла на подножіи столпа Помпеева, не есть ли также чудесное дѣло рукъ твоихъ?

(*) Иманъ говоритъ о конной Французской артиллеріи.

(**) Онъ разумѣетъ воздушной или Монгольфьеровъ шаръ и электрическіе опыты.

Боналарте.

Свѣтила вѣковъ! вы увидите еще болѣе чудесъ; ибо пришли дни возрожденія.

Мугамедъ.

Божественное Единство взираетъ съ любовію на тебя, Иссова обожателя, и велитъ тебѣ быть защитою дѣпей пророка.

Боналарте.

Не сказалъ ли Магометъ, что всякой человекъ, которой Богу поклоняется и творитъ добрыя дѣла, спасется, какой бы вѣри онъ ни былъ?

Сулейманъ, Ибрагимъ, Мугамедъ.

Сказалъ, сказалъ! (низко кланяются.)

Боналарте.

Я смирилъ гордаго Римскаго Муффи, исполняя волю Небесъ.

Мугамедъ (съ ужасомъ).

Онъ былъ силенъ и богатъ, а мы Иманы слабы и бѣдны!

Боналарте.

Знаю: не бойтесь! — Въ сей пирамидѣ не скрываются ли сокровища, вамъ извѣстныя?

Сулейманъ (сложивъ руки на груди).

Нѣтъ, Государь: клянемся въ помѣ святою Меккою!

Боналарте.

Вѣтръ развѣваетъ сокровища мѣра!

Сулейманъ.

Ты дружелюбно обходился съ Римскимъ Муфти, дружелюбно и ласково.

Боналарте.

Я чшю сего спарца. Всевышній да сохранишь его, и да поможетъ ему во всѣхъ дѣлахъ истины и разума!

Ибрагимъ.

Слава пророку, который послалъ тебя къ намъ, да оживишь вѣру слабыхъ, и да ошкроешь для правовѣрныхъ седьмое небо!

Боналарте.

Такъ, шакъ, ревностные Иманы! служите Магомешу, который въ одну ночь семь чудесныхъ небесъ пробѣгаетъ; будьте друзьями Французамъ: тогда и Магомешъ и Французы наградятъ васъ!

Ибрагимъ.

Да приготовамишь тебѣ Магомешъ счастливое мѣсто подлѣ себя!

Боналарте.

Да слушаютъ всѣ, одаренные слухомъ! Великій часъ насталъ. Муфти, Иманы, Муалы, Дервиши, Календеры!

учите народъ Египетскій. Велите ему соединиться съ нами для испребленія Беевъ и Мамелюковъ. Способствуйте торговлѣ Французовъ въ странахъ вашихъ, и помогите имъ пробраться въ древнее отечество Браны! Магометъ желаетъ того. Французы заплачяпъ вамъ своею дружбою, своими искусствами и сокровищами; а Магометъ откроепъ для васъ седьмое небо, гдѣ вы успокоитесь подлѣ юныхъ, дѣвственнѣхъ, черноглазыхъ Гурій, въ сѣни Лава, котораго вѣтви полагапъ вамъ вѣропъ сладчайшїе, зрѣлые и сочные плоды! Да будетъ!

Сулейманъ (съ низкимъ поклономъ).

Да будетъ! Ты говорилъ какъ ученый Иманъ. Мы исполнимъ волю твою: Магометъ внимаетъ нашей клятвѣ!

Боналарте.

Слава пророку, и миръ вамъ, достойные Иманы!

С т р а н н о с т ь .

Французъ, которой жилъ долго въ Россіи и возвратился въ свое отечество, публикуетъ опшуда въ Московскихъ газетахъ (*), что онъ близъ Парижа завелъ пансіонъ для Рускихъ молодыхъ дворянъ, и приглашаетъ родителей отправить къ нему изъ Россіи дѣтей своихъ на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему нужному, особливо же языку Рускому! Живучи въ уединеніи, я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложеніемъ господина N. N. Французы вѣтренны — были и будутъ! Снисходительной человекъ во многомъ извиняетъ ихъ *легкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отечествѣ нашемъ не имѣли способовъ воспитывать дѣтей, и могли безразсудно удалить ихъ отъ себя, забывъ священный долгъ свой и ввѣрить судьбу юныхъ сердецъ чужому, неизвѣстному человеку? Мы гоповы плашимъ Французамъ, или другимъ ино-

(*), Въ первыхъ нумерахъ Декабря мѣсяца.

спранцамъ , за уроки въ ихъ языкахъ , которые нужны для благороднаго Россіянина и служатъ ему средствомъ просвѣщенія : у насъ есть деньги ! но у насъ есть и разумъ . Мы знаемъ первый и свѣтѣйшій законъ Природы , что мать и отецъ должны образовать нравственность дѣтей своихъ , которая есть главная часть воспитанія ; мы знаемъ , что всякой долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату , обычаямъ , характеру жителей , образу жизни и правленія ; мы знаемъ , что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Рускимъ — а намъ , для государственнаго щасія , не надобно ни Французовъ , ни Англичанъ ! Пусть въ нѣкоторыхъ лѣтахъ молодой человекъ , уже приготовленный къ основательному разсужденію , ѣдетъ въ чужія земли узнать Европейскіе народы , сравнять ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ , чувствовать даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ ! Я не боюсь за него : сердце юноши оставляетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ своихъ ; оно будетъ стремиться къ намъ изъ отдаленія ; подъ яснымъ небомъ южной Европы онъ скажетъ : *хорошо ; но въ Россіи семейство мое , друзья , товарищи мо-*

его дѣтства! Онъ будетъ многому удивляться, многое хвалить, но не полюбитъ никакой страны болѣе отеческа. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; но *всегда, всегда* любитъ ту, въ которой воспитывался: истина важная для опцевъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впечатлѣнія юности составляютъ главную драгоценность души; они всего для насъ милѣе, подобно какъ самой простой весенней цвѣтокъ радуется насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Еслили отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на грядъ или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына отеческомъ: она дастъ ему первыя моральныя, сильныя чувства, и сама Напура привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрасъ отроча есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшился судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человѣкъ надолго ѣдетъ въ какую нибудь землю, то онъ спарася заранѣе узнать ея обычаи, и еслили не дѣломъ, то хотя воображе-

нѣмъ привыкаетъ къ нимъ, зная, что непривычка къ образу мыслей и жизни ихъ людей, съ которыми намъ ежедневно быть должно, производитъ для насъ многія, существенныя непріятности. А сынъ мой, которому опредѣлено жить и умереть въ Россіи, поѣдетъ образовать душу свою во Францію? Ему надобно знать Русскихъ, съ которыми у него одно гражданское и моральное счастье: а я пошлю его къ Французамъ? Положимъ, что всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени оближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда останется въ свойствахъ, обычаяхъ и нравахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, судьбы нашихъ предковъ и другихъ причинъ, еще неизъясненныхъ Философами.

Господинъ Н. Н., учредитель Парижскаго пансіона, скажетъ намъ: „вы должны согласиться, что человекъ еще важнѣе гражданина: а человекъ можетъ лучше образоваться во Франціи, нежели въ Россіи.“ Первое справедливо: на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу! не варвары; у насъ есть всѣ способы просвѣщенія, какія только могутъ найтись во Франціи; и тамъ и здѣсь учатъ одному, по однимъ Авторамъ и книгамъ.

Самый Французской языкъ можно въ Петербургѣ или въ Москвѣ узнать такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ; положимъ, что и не такъ хорошо: но нѣкоторыя совершеннѣйшія его оппѣнки награждаютъ ли за моральный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія? Природный языкъ для насъ важнѣе Французскаго; а господинъ N. N., не смотря на свое милостивое обѣщаніе, не выучитъ дѣтей нашихъ въ Парижѣ говорить такъ хорошо по Руски, какъ они здѣсь выучатся. Питомцы его, черезъ 6 или 7 лѣтъ возвращаясь въ Россію, стали бы перзатъ слухъ нашъ варварскими своими фразами; они сказали бы намъ: „мы говоримъ языкъ свой; мы знаемъ *Математики*; мы *представляемъ* наши *логпенія* согражданамъ(*)“ — а сограждане назвали бы ихъ глупцами, невѣждами, дурно-воспитанными людьми; ибо кто не знаетъ своего природнаго языка, тотъ конечно дурно воспитанъ, хошя бы зналъ наизустъ и всѣ книги Браминновъ; они сказали бы симъ полу-Галламъ: „за чѣмъ вы къ намъ пріѣхали? за чѣмъ не остались во Франціи? Мы не при-

(*) Такія фразы слыхали мы отъ Рускихъ Французовъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ даже, что нашъ языкъ не имѣетъ правилъ. Нещастные!

„знаемъ васъ земляками своими ; вы недостойны называться Рускими, которые гордятся языкомъ Святослава, Владимира, Пожарскаго, ПЕТРА Великаго. Вы не имѣете опечества : ибо и самыя Французы, не смотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать нѣмое Е, не признаютъ васъ Французами!“ . . . И добродушные родители, лишивъ себя неизъяснимаго удовольствія видѣть въ лицѣ и въ душѣ милыхъ дѣтей постепенное развитіе красоты физической и нравственной, вмѣсто благовоспитанныхъ людей увидѣли бы въ нихъ Французскихъ обезьянъ или попугаевъ, которые наименовали бы имъ всѣхъ Парижскихъ актеровъ, а не умѣли бы съ чувствомъ произнести священнаго имени Россіи, отца, матери и согражданъ !

Но я, подобно славному рыцарю Дон-Кихоту, сражаюсь съ вѣтренными мельницами, принимая ихъ за исполиновъ. Конечно никто изъ благоразумныхъ дворянъ Россійскихъ не подумаетъ отправить дѣтей своихъ въ пансіонъ къ господину N. N., надъ которымъ безъ сомнѣнія и самыя Французы смѣются.

О. О.

Новый монументъ Виргилія.

Письмо изъ Маншуи отъ 22 Октября 1801.

У насъ былъ великолѣпный праздникъ при открытіи монумента, сооруженнаго въ память славному Спихотворцу, который нѣкогда родился въ нашемъ городѣ.

Виргилій, отличный любимецъ Музъ, столь сильно дѣйствующій на воображеніе и чувствительность людей, долженъ быть доволенъ признательностію вѣковъ. Его лавръ, всегда расцвѣпающій въ Маншуѣ; его гробъ, не менѣе баснословный, надъ гротомъ Павзилиповымъ въ Неаполѣ; приморскіе холмы, гдѣ любопытнымъ странникамъ показываютъ еще и нынѣшнѣ прелестныя мѣста, на которыхъ раздавался нѣкогда сладкій голосъ его, доказываютъ, что народы священными преданіями и живыми образами питаютъ чрезвычайную любовь свою къ сему Поэту. Греція не сохранила слѣдовъ Гомеровыхъ и Гезіодовыхъ; въ Шотландіи ничто не воспоминаетъ намъ колыбели и могилы Оссіановой.

Въ шестое Республиканское лѣто, когда побѣды Французскихъ армій не мѣшали еще заниматься Музамъ, Дивизионный Генераль Міоллисъ, будучи Ком-

мендантомъ въ Маншуѣ, вздумалъ соорудить памятникъ Пѣвцу Дидоны и Георгикъ; ибо Міоллисъ любитъ Музъ, и заслужилъ въ Италіи, вмѣстѣ съ именемъ безкорыснаго воина, имя просвѣденнаго друга наукъ и художествъ.

Монументъ былъ уже почти готовъ, когда извѣстныя нещасія привели къ намъ Авспрійцевъ, которые, ненавидя все республиканское, изъявили мщеніе свое и на семь монументъ. Ропонда, гдѣ надлежало споять *Виргиліевой* и другимъ статуямъ новыхъ великихъ Поэтовъ Италіи, была ими разрушена; они истребили и прекрасныя деревья, посаженныя въ семь пихомъ, уединенномъ мѣстѣ.

Черезъ 4 года тотъ же самый Генералъ, возвратясь къ намъ съ побѣдою, рѣшился обновить дѣло свое; но онъ хотѣлъ дать ему большую прочность, и вмѣстилъ памятникъ въ самый городъ, поручая жителямъ храненіе его.

На площади, называемой прежде *дель-Арджина*, а нынѣ *мѣстомъ Виргиліевымъ*, возвышается мѣдный бюстъ Поэта, окружаемый *Циркомъ* и величественными арками, которыя еще не отдѣланы. Ошкрытіе монумента было 15 сего мѣсяца, въ день *Виргиліева* рожденія, среди радостныхъ восклицаній народа, въ присут-

спвѣи всѣхъ чиновниковъ и гарнизона Французскаго. При семъ торжественномъ случаѣ науки и Музы заплатали дань свою Виргилію произведеніями, его достойными и доказывающими, что щасливый климатъ Италіи могъ бы во всякое время украшаться великими талантами, если бы обстоятельство не мѣшали имъ развиваться, и если бы исполнилось желаніе Макіавеля, выраженное Монпиемъ:

No quel bel giardino di Natura,

No poi barbagò non è (*):

Праздникъ кончился симфоніями, танцами и освѣщеніемъ.

ХІ.

С М Ъ С Ъ.

Генералъ Ренъе прислалъ Институту Египетскую одежду и лоскуты матеріи, найденной въ землѣ подлѣ Сакары. Сіи любопытныя осипки древняго Египетскаго ремесла могутъ показать, въ какомъ состояніи были искусства въ Египтѣ. Ренъе пишетъ къ Членамъ Института, что происшествія войны лишили его богатаго

(*) „Нѣтъ, сей прекрасной садъ природы не
„есть жилище варваровъ.“

собранія тамошнихъ древностей, но что онъ ожидаетъ изъ Александріи еще нѣкоторыхъ любопытныхъ вещей, и немедленно сообщитъ ихъ Институту, обѣщая доставить ему и сочиняемое имъ описаніе разныхъ жилищей Египта, ихъ нравовъ, успѣховъ въ общественности, и проч.

Генераль Мену, оставляя Александрію, умѣлъ сохранить для Франціи всѣ примѣчанія достойныя вещи, собранныя въ Египтѣ Французскими Учеными. Онъ привезъ съ собою живаго *цивета*, котораго удалось ему сохранить изъ трехъ, присланныхъ ему Царемъ Дарфуртскимъ (отъ Каира до Дарфурта считается 100 дней пути). Мену подарилъ его Кабинету Естественной Исторіи, который возметъ всѣ мѣры, чтобы сіе весьма рѣдкое животное было съ величайшею опорожностію привезено въ Парижъ. Онъ живетъ подъ Линіею, и пребуетъ теплаго воздуха. Циветъ, какъ извѣстно, производитъ выхухоль.

Англійской Посланникъ въ Константинополь, Лордъ Эльджинъ, отправилъ двухъ художниковъ въ Грецію для исканія древностей въ землѣ. Они пишутъ, что имъ удалось опрыть въ Афинахъ почти всѣ барельефы, которые украшали Минервинъ храмъ. — Секретарь Сиднея Смита

нашелъ въ Розетѣ полный экземпляръ оригинала *Тысячи Одной Ноги*.

Во Франціи, въ Департаментѣ Нижнихъ Альпъ, близъ деревни Лабатикъ-Музалеона, открылись слѣды Римскаго города, котораго имя намъ неизвѣстно по Исторіи; но цѣлыя стѣны, прекрасныя мозаики, остатки зданій, медали (изъ которыхъ одна золотая, Конспанпинова) доказываютъ несомнительно его бытіе. Правительство возьметъ мѣры для дальнѣйшихъ открытій, и мы узнаемъ, можетъ быть, какъ имя, такъ и судьбу еего города.

Бывшему Англійскому военному Министру Виндаму и друзьямъ его Лондонской народъ опмстилъ каррикатурою за нелюбовь ихъ къ миру. Представляется война въ видѣ мертваго человѣка, лежащаго во гробѣ. Всѣ друзья войны съ ужасными лицами (и при томъ очень сходными) сидятъ въ горести на грудѣ человѣческихъ костей. Фуріи пламенниками своими освѣщаютъ гробъ — и въ лицѣ одной изъ нихъ всякой узнаетъ Виндама.

Учрежденіе Парижскаго Лицея есть, можетъ быть, единственнае въ Европѣ. Тамъ, въ нѣкоторые дни, собирается публика слушать легкую прозу и легкіе стихи лучшихъ Французскихъ Авторовъ;

тамъ соединяются всѣ Писатели, друзья и враги — всѣ любители Словесности и Поэзіи. Въ послѣднемъ засѣданіи Лицея всѣхъ болѣе опличились Жираръ и Госпожа Пилле: первый своими *письмами къ Юліи о Ботаникѣ*, украшенными (по словамъ Журналистовъ) нѣжными, любезными, меланхолическими мыслями, безъ всякихъ ученыхъ выраженій; а вторая *сатирую на замужство*, которую читала она на кафедрѣ громкимъ, пріятнымъ голосомъ, и съ величайшимъ искусствомъ. Въ сатирѣ множество прекрасныхъ стиховъ, которые могутъ быть пословицами; но похвальна ли цѣль ея? Доказывать, что ни молодой, ни старой супругъ не можетъ сдѣлать жены своей щастливою! Какая нужда! говорятъ Французы: лишь бы стихи нравились! Госпожа Пилле съ кафедры ругала насъ, а мы безъ памяти хлопали въ ладоши, и кричали браво! Буало бранилъ женщинъ, не имѣя надежды быть мужемъ: для того же и Госложъ Пилле, которой около сорока лѣтъ, не побранить насъ мужчинъ? Тутъ же читали нѣжные стихи покойнаго Бернара, которые показались скучными. Этотъ родъ вышелъ изъ моды, говоритъ Издапель Декады: умы и нравы перемѣнились, подобно кафтанамъ. Кто хочетъ теперь забавлять насъ стихами Бернара и Дората, тотъ

долженъ требовать, чтобы мы надѣли оляты шиптые кифтаны и кружевныя манжеты.

Славная Парижская актриса Дюмениль, нынѣ уже осмидесяти - лѣтняя, вздумала учить молодую актрису Бургуанѣ, которая въ роля Меланіи и Заиры принята была зрителями весьма благосклонно, конечно изъ уваженія къ учительницѣ: ибо дѣвица Бургуанѣ хороша лицомъ, но холодна игрою до крайности. Многіе не хотѣли вѣрить, чтобы Дюмениль въ такія лѣта могла учить актрисъ; но это правда. Извѣстный Авпоръ и Кристикъ Палиссо пишетъ слѣдующее: „Тѣ, „которые удивляются, что осмидесяти- „лѣтняя Дюмениль въ состояніи зани- „маться молодыми талантами и способ- „ствовать ихъ успѣхамъ, узнаютъ коне- „чно съ удовольствіемъ, что сія велите- „ственная актриса сохраняетъ еще всю свѣ- „жесть памяти. Я самъ былъ тому сви- „дѣтелемъ, имѣвъ честь, за три мѣсяца „передъ симъ, обѣдать у нее вмѣстѣ съ „Графомъ Кобенцелемъ. Она при насъ съ „живоспію и съ жаромъ читала наизусть „всю сцену Агриппины съ Церономъ въ „Британникѣ, сновидѣніе Апаліи, разго- „воръ ея съ Тоасомъ, и, смѣю сказать, „удивила всѣхъ насъ талантомъ своимъ.“

Веймарской земледѣлецъ , именемъ Функъ , сдѣлалъ весьма важное открытіе для хлѣбопашества. Посредствомъ химическихъ дѣйствій онъ составилъ матерію , которой одно ведро столько же удобряетъ землю , какъ 20 возовъ самаго лучшаго навоза. Составъ сей матеріи весьма простъ и дешевъ.

Изъ Ботани - Бея привезли въ Лондонъ двухъ пшицъ , до нынѣшняго времени совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Напуральной Исторіи. Онѣ вышиною въ 7 фуговъ съ ногъ до верхней части головы , похожи видомъ на спруса , цвѣтомъ сѣрыя ; и каждое перо ихъ раздѣляется надвое. Голова и носъ ихъ похожи на гусиные , а шея на лебяжью ; лапы длинныя , и всѣ въ перьяхъ. Сіи пшицы очень смиренны ; и когда поднимаютъ вверхъ голову , то стоятъ на ногахъ почти такъ же прямо , какъ человекъ.

Господинъ Кобраль , Гишпанскій Посланникъ въ Конспантинополѣ , въ проѣздѣ свой черезъ Германшпата получилъ извѣстіе , что одинъ ученый Гишпанецъ , путешествующій на счетъ Королевскій , отыскалъ въ Марокѣ полную лѣтопись Типа - Ливія на Арабскомъ языкѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Рѣчь Депутатовъ Французскаго Законодательнаго Совѣта, въ отвѣтъ Консуламъ на обнародованную ими картину Республики.

Граждане Консулы!

Изображеніе внутренняго и внѣшняго состоянія Республики, сообщенное Законодательному Совѣту, приняло имъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, и возбудило въ немъ сладостныя надежды. Успѣхи мудраго Правленія во всѣхъ дѣлахъ его служатъ насмливымъ предвѣстіемъ будущихъ успѣховъ. Мирные переговоры шель скоро достигли цѣли своей, что радость наша украсилась еще пріятнымъ удивленіемъ. Уже непобѣдимые легіоны Республики могутъ возвратиться въ опечесство и наслаждаться издѣянїями благодарности. Миръ, бывшій всегда предметомъ вашихъ желаній, принесенъ къ намъ на крыльяхъ побѣды, которая вамъ никогда не измѣняла. Республика, спасен-

ная отъ бурь, которыя свирѣпствовали надъ ея колыбелью — спасенная отъ несчастій, которыя терзали ея младенчество — въ полномъ блескѣ и силѣ юности, спокойная внутри, уважаемая дружественными Правленіями, ею взаимно уважаемыми, — Республика торжественно вступаетъ въ міръ, и величественно занимаетъ мѣсто свое среди державъ первыхъ.

И такъ 13 лѣтъ Революціи не пропали для друзей человечества! Они наслаждаются плодами трудовъ своихъ, наслаждаясь правами и ревностно исполняя обязанности; соединяя гордость республиканскую съ тѣми пріятными нравами, которыя всегда были ихъ характеромъ — съ тѣми ласковымъ госпепрїимствомъ, которое всегда украшало страну опцевъ нашихъ. Въ воспоргѣ сердечной любви обнимаемая другъ друга, подъ спасительнымъ царствованіемъ законовъ, да предадутъ они забвенію вины и просупки нѣкопрыхъ обольщенныхъ братьевъ, и нѣжное дружество ихъ да терзаетъ тѣхъ злощастныхъ, которые желаютъ еще вредить и ненавидѣть!

Французы, насыщенные славою, хотятъ благополучія: къ щастію, у нихъ въ рукахъ всѣ спихіи его. Между тѣмъ,

какъ утѣшительныя , миролюбивыя Искусства будутъ стремиться къ высочайшимъ умозрѣнїямъ — между тѣмъ , какъ Исторїя займется благоустройствомъ своихъ безчисленныхъ предметовъ , стараясь исполнить великія обязанности , возложенныя на нее первымъ Чиновникомъ Франціи — земледѣліе и промышленность оживятъ въ части общественнаго сосава.

Послѣ свирѣпыхъ изступленій междоусобной войны насталъ для предковъ нашихъ вѣкъ славный памянниками Генїя (*): такъ и нынѣ характеръ народа , укрѣпленный бурею Революціи , изъявишь силу свою и устремится ко всему изящному и великому , то есть къ полезному и справедливому : ибо отнынѣ справедливое и полезное должно быть мѣрою славы , и мнѣніе общественное презривъ въ иные способы честолюбїя.

Народы , утомленные кровопролитными раздорами , выведенные изъ пагубныхъ заблужденій своихъ , чувствуютъ нужду любить другъ друга и братски объемятся между собою. Горе тому , кошорый помыслилъ бы основать благоденствїе свое на бѣдствїи другихъ! Увѣренныя ,

(*) Вѣкъ Лудовика XIV.

что счастье ихъ должно быть общее, они будутъ мѣнялься дружествомъ, своими открытіями и произведеніями. Минувшія, долговременныя препятствія оживяшъ ихъ взаимное сообщеніе, въ такое время, когда прежняя ненависть, основанная на различіи нравовъ и Религій, уступаетъ мѣсто взаимной терпимости; когда успѣхи общественности, сближая народы, образуютъ единство въ ихъ характерахъ.

Таковы суть златыя надежды, сіяющія на вратахъ новаго вѣка, который обѣщаетъ Франціи и Европѣ дни мирныя и счастливыя!

Мудрость и твердость Правленія способствовали сей великой переменѣ. Граждане Консулы! Совѣтъ Законодательный поручилъ намъ изъяснить вамъ радостныя и благодарныя чувства свои.

Въ лаконическомъ отвѣтѣ Консула на сію рѣчь замѣтны слѣдующія фразы: „Народъ, общій властелинъ нашъ, судитъ труды каждаго. Кипо служитъ ему съ безкорыстнымъ усердіемъ, шопъ, совершивъ дѣло свое, въ мирномъ уединеніи, будетъ почтенъ согражданами.“

*Объявленіе отъ имени Перваго Консула
въ Законодательномъ Совѣтѣ (*).*

Правленіе сказало — и съ удовольствіемъ повпоряеишь на вашей кафедрѣ, граждане Законодатели, чшобы сія истина опозва- лась во всѣхъ частяхъ міра — Правленіе сказало, что народъ Французскій равно уважаетъ всѣ роды правленій; желаетъ ими цѣлости, успѣховъ, благоденствія, не только для взаимности, но и по чело- вѣколюбію, по истиннымъ правиламъ Фи- лософіи. Революціи испровергають госуда- ства; онѣ ведутъ за собою войну внѣш- нюю и междоусобную. Наконецъ пришло по- время, что всѣ народы Европы и Америки, узнавъ лучше пользы свои, согласно же- лають пвердаго, вѣчнаго мира. Война самая щасливѣйшая, самая блестящая своими успѣхами, стоитъ дорого, стоитъ горькихъ слезъ побѣдителю; стоитъ наро- дамъ того, что имъ всего драгоцѣннѣе и священнѣе: блага семействъ, крови дѣтей ихъ. Нѣтъ, Франція не вмѣщаетъ въ себѣ ни одного челоуѣка, который — еспьли онъ не безумецъ; еспьли онъ признаетъ

(*) изъ Фримера, по случаю ушвержденія мира съ Россіею.

только власть и волю общую — который, говорю, хотѣлъ бы, для пустыихъ метафизическихъ тонкостей, снова вооружить народы другъ противъ друга и снова упить землю кровію! Когда же есть такой человекъ, то у него нѣтъ дѣшей!

Щастливъ вѣкъ новый, ибо опытъ минувшаго вѣка не пропалъ для него, и народы юга и сѣвера, одушевленные миролюбіемъ, опрєклись отъ вражды ненавистной, и боювы въ несогласіяхъ, естѣли оныя вспрѣтятся, прибѣгаютъ къ законамъ общаго разсудка, соблюдая взаимное уваженіе и дружелюбіе, котораго вліяніе бываетъ всегда дѣйствительнo на Кабинеты, управляющіе міромъ: ибо Кабинеты изъ людей составлены!

По крайней мѣрѣ народъ Французскій предписываетъ такую систему своему Правленію: онъ не хочетъ, и не возметъ оружія, пока врагъ не будетъ угрожать его предѣламъ или чести, которая ему еще дороже; но и тогда представитъ онъ міру зрѣлище, которое уже нѣсколько разъ представлалъ ему: легіоны многочисленные и храбрые, зовущіе миръ побѣдами!

III.

Письмо изъ Генуи

отъ 12 Декабря.

Въ то время, когда вся Европа признала необходимость мира, и когда первыя Державы забываютъ спаринную взаимную ненависть свою, чтобы думать только о внутреннемъ благоденствіи Государства — въ то самое время гнусные варвары распространяютъ ужасъ и горесть въ нашихъ окрестностяхъ. Всегдашніе разбой и злодѣйства сихъ Африканцевъ оправдываютъ мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ ихъ поколѣніемъ Хананеевъ, осужденныхъ ненавидѣть и гнать брагій своихъ. Алжирцы еще свирѣпѣе прочихъ. Американская эскадра, къ щасію, держитъ Тунисъ въ блокадѣ. Триполитанцы злобны, но безсильны.

Было время, когда Гишпанцы усмиряли сихъ варваровъ сѣверной Африки, и даже владѣли городомъ Алжиромъ въ началѣ 15 вѣка. Съ самаго того времени, какъ Арукъ - Барбаросса, славнѣйшій изъ разбойниковъ, былъ призванъ Алжирцами образовать ихъ морскія силы, сей народъ слѣдуетъ его злодѣйской системѣ и живетъ однимъ грабежемъ. Барбаросса имѣлъ нѣсколько лѣтъъ верховную

власть, и былъ убитъ въ сраженіи съ Гишпанцами. Братъ его, Шерединъ, сдѣлался Царемъ; но въ 1520 году поддался Султану Селиму I, удовольствовался именемъ Паши и принялъ въ городъ 2000 Янычаръ. Въ сіе время множество преступниковъ и злодѣевъ отправлено было Порпою въ Алжиръ для утвержденія тамъ власти ея. Гишпанцы владѣли еще крѣпостью: Шерединъ взялъ ее, завоевалъ Тунисъ, бралъ Гишпанскіе корабли на Средиземномъ морѣ и беспокоилъ даже самыя берега Гишпаніи. Карлъ V въ 1541 году многочисленнымъ флотомъ осадилъ Алжиръ; но буря разсѣяла его корабли. Варвары остались подъ владѣніемъ Турецкаго Императора, и были управляемы Пашею.

Сіи Паши сдѣлались деспотами, и безпрестанно требовали отъ Султана денегъ на жалованье войска. Въ началѣ 17 вѣка Алжирское Турецкое войско прислало Депутатовъ въ Константинополь, желая, чтобы Порпа дозволила ему выбирать себѣ начальника подъ именемъ Дея (т. е. *дяди*), которой бы правилъ Алжиромъ, собиралъ доходы и содержалъ ими армію, не требуя денегъ отъ Султана. Паша долженъ былъ остаться въ Алжирѣ, имѣлъ прежніе доходы, но не вмѣшивался въ дѣла. Порпа охотно

согласилась на то. Въ началѣ 18 вѣка Дей Баба-Али заключилъ въ темницу Пашу, отправилъ богатые подарки въ Конспан-пинополь и представилъ Султану, что сіе мѣсто совсѣмъ бесполезно, и что достоинство Пашы можетъ быть соединено съ достоинствомъ Дея. Порта опять согласилась; и съ того времени каждый Дей, будучи избранъ войскомъ, утверждается Султаномъ и получаетъ имя Пашы. Алжирцы считаются въ Турціи другими Турками.

Алжирское Правленіе не имѣетъ никакой твердости, часто бываетъ въ совершенномъ безпорядкѣ, не знаетъ правъ народныхъ и основано на вѣчныхъ разбояхъ. Оно всегда въ войнѣ съ Европейскими Державами, и слѣдуетъ только одному своему корыстолобію. Уничтоженіе Мальтійскаго Ордена сдѣлало Алжирцовъ еще дерзостнѣе. Мы надѣемся, что первыя Державы Европы вздумаютъ наконецъ унять ихъ, особливо въ то время, когда миръ есть общее желаніе и шастіе народовъ. Кажется, что Африканскіе разбойники, спустошая теперъ Италіянскіе берега, сами вызываютъ Европу взять противъ нихъ рѣшительныя мѣры.

Письмо изъ Соединенныхъ Американскихъ Облаетей.

Наше опечесство представляетъ теперь рѣдкій феноменъ въ Исторіи народовъ: феноменъ Правленія, обращеннаго единственно къ общему, верховному благу. Мы обязаны имъ Джефферсону (Президенту Конгресса), вѣрному исполнителю законовъ. Онъ всѣ важныя должности поручаетъ людямъ, удостоеннымъ общаго почтенія; людямъ, которыхъ способность извѣдана опытомъ въ нижшихъ должностяхъ, и которые въ республиканскомъ патриотизмѣ своемъ никогда не искали личныхъ для себя выгодъ. Сей Философъ, извѣстный въ Европѣ своими твореніями о земледѣліи и Бошаникѣ, знаетъ столько хорошо и человѣческое сердце, умѣя избирать въ орудіе государственнаго блага не хитрыхъ, а добрыхъ; ибо онъ увѣренъ, что разумъ и самыя истинныя таланты должны быть удаляемы отъ Правленія, какъ скоро они не соединены съ хорошою нравственностію и съ душою твердою. Поэтому всѣ его выборы заслужили одобреніе гражданъ, хотя Аристократическія газеты засловили на счетъ нѣкоторыхъ.

Джефферсонъ имѣетъ все то, что можетъ заслужить любовь согражданъ и уваженіе потомства (безъ чего нѣтъ истинныхъ великихъ людей); онъ ласковъ непришворно, обходителенъ безъ униженія, знающъ, швердъ и пламенный республиканецъ. Таковъ Начальникъ Соединенныхъ Обласпей: человекъ, который, имѣя возможность дѣлать добро, дѣлаешь его съ усердіемъ.

Безстыдные честолюбцы, введенные въ Правленіе Адамсомъ и Англійскимъ золотомъ, исчезли одинъ за другимъ.

Аристократы, которые за три или за четыре года передъ симъ управляли, по желаніе иностранцевъ, всѣми выборами, не имѣютъ теперь никакой власти, никакого вліянія.

Все идетъ *нелримѣтно*, ибо все стремится къ одной цѣли, къ истинному благоденствію.

Независимость частныхъ мнѣній ограничивается здѣсь однимъ мнѣніемъ общества; но мы не преступаемъ границу разумной свободы, слѣдуя усшавамъ и спрашась необузданности, всегда пагубной.

Два года Джефферсонова правленія имѣли благодѣтельное вліяніе на всѣ части Республики, на всѣ общественныя

учрежденія , и налоги уменьшились цѣлою половиною.

V.

Дѣйствіе войны и Революціи.

Чтобы увѣришься , какое вредное дѣйствіе долговременная война производитъ во нравахъ , должно побывать въ Англійскихъ уголовныхъ судилищахъ , гдѣ никогда не бывало сполько дѣлъ , какъ нынѣ. Война раждаетъ бѣдность , а бѣдность безъ твердыхъ правилъ Морали доводитъ человека до преступленій. Не говоря уже о частыхъ разбояхъ и воровствѣ , замѣтимъ особливый родъ злодѣйства , который доказываетъ великое ожесточеніе сердца , и въ которомъ обличены были здѣсь многіе люди ; а именно : они вырывали мертвыя тѣла , снимали съ нихъ одежду и обдирали свинецъ съ гробовъ. Цѣлое общество занималось симъ гнуснымъ промысломъ около двухъ лѣтъ. — *Изъ Англ. Журнала.*

Пишутъ изъ Нанси , что въ тамошней уголовный судъ часто представляють малолѣтнихъ злодѣевъ , воровъ и даже убійцъ. Это ужасно ; но мудрено ли ? они были воспитаны среди злодѣйствъ

Революціи. Примѣры всего болѣе дѣйствують на юныя сердца. Къ тому же родители не могли въ сіе страшное время прилѣжно заниматься нравственнымъ образованіемъ дѣтей своихъ. — Изъ Парижскаго Журнала.

VI.

Плоды войны и мира для Франціи и Великобританніи.

Великобританнія пріобрѣла войною: Цейланъ; мысъ Доброй Надежды; всѣ владѣнія Франціи и Голландіи въ Ост-Индіи, кромѣ Иль-де-Франсъ и Бапавіи; Маршенику, С. Луцію, Табаго, С. Пьеръ и Микелонъ, Суринамъ, Демерари, Куракао, Минорку, Мальту, Египецъ

Франція пріобрѣла войною: Белгію и лѣвый берегъ Рейна, Савою, Піемонтъ, Ломбардію, Геную, Тоскану, господство надъ Италіею, союзъ съ Гишпаніею, власть надъ Португалліею, и Гишпанскую часть острова С. Доминго; она войною образовала Гельветическую, Бапавскую, Чизальпинскую, Лигурійскую Республики и новую Монархію подъ именемъ Эпрурін.

Миромъ выигрываетъ Великобританія : островъ Цейланъ и Св. Троицы. Мысъ Доброй Надежды дѣлается вольною гаванью.

Миромъ выигрываетъ Франція : Белгю и лѣвый берегъ Рейна, Савою, Гиспанскую часть С. Доминго; всѣ свои потеряныя владѣнія въ обѣихъ Индіяхъ, а именно : Пондишери, Ражапоръ, Маршинику, С. Луцію, Табаго, С. Пьеръ и Микелонъ. Она сохраняетъ вліяніе свое на Гельветическую, Батавскую, Чизальпинскую и Лигурійскія Республики; заставляетъ Англію признать Королевство Этрурійское и возвратитъ Гиспанцамъ Минорку, а Голландцамъ всѣ ихъ владѣнія, кромѣ Цейлана.

Изъ Morning - Chronicle.

VII.

Письмо изъ С. Доминго, Французскаго Американскаго острова.

Наконецъ послѣ долговременнаго мятежа, неуспроисва и кровопролитія, мы начинаемъ отдыхать. Собраніе нашихъ Депутатовъ издало улаженіе для Колоніи, и всѣ жители съ радостію приняли его.

Я сообщу вамъ нѣкоторыя статьи сей конституціи.

„Сен-Домингская Колонія есть часть Французской Республики, но управляется особливymi законами. Она раздѣляется на Департаменты, округа и приходы.“

„Всѣ безъ различія могутъ быть избираемы въ гражданскія должности. Примущество талантовъ и добродѣтели да будетъ навсегда единственнымъ мѣжду жителями Колоніи! Законъ равенъ для всѣхъ, какъ въ наказаніи, такъ и въ покровительствѣ.“

„Католическая Религія признается общею и главною.“

„Бракъ установленъ для благонравія политическихъ обществъ. Граждане, которые отличаются семейственными добродѣтелями, будутъ предметомъ особеннаго уваженія со стороны Правительства.“

„Конституція утверждаетъ личную свободу и безопасность. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ законнаго осужденія или приговора. — Собственность священна; всякой располагается ею по неограниченной волѣ.“

„Земледѣліе есть главный промыселъ Колоніи, и первая должность Правленія

„успокоить земледѣльцевъ. Каждое сель-
 „ское жилище есть мирная обитель
 „трудолюбія; отецъ семейства началь-
 „никъ. — Торговля Колоніи состоитъ
 „только въ мѣнѣ ея собственннхъ про-
 „изведеній.“

„Депутаты, избранные всѣми жите-
 „лями, собираются въ назначенныя вре-
 „мена для законодательства; но должно,
 „чтобы законы были предлагаемы Губер-
 „наторомъ острова, и только утвер-
 „ждаются Депутатами.“

„Губернатору поручается исполни-
 „тельная власть и правленіе Колоніи.
 „Конституція назначаетъ для сей вели-
 „кой должности гражданина Туссенъ-
 „Лувершюра, перваго Генерала Сен-До-
 „мингской арміи; и признавая важныя
 „услуги, оказанныя имъ Колоніи въ са-
 „мыя трудныя и бѣдственныя времена,
 „благодарный народъ отдаетъ ему сію
 „власть на всю жизнь его. — Впредь Гу-
 „бернаторы будутъ избираемы на пять
 „лѣтъ; кто хорошо исполнитъ дол-
 „жность свою, будетъ избранъ снова.“

„Чтобы утвердить спокойствіе Ко-
 „лоніи, которымъ она обязана мудрости,
 „дѣлательности и рѣдкимъ добродѣтелямъ
 „Генерала Туссенъ-Лувершюра, и въ за-
 „логъ безпредѣльной довѣренности всѣхъ

„жителей къ сему знаменитому граждани-
 „ну, конституція даетъ ему право из-
 „брать себѣ преемника на горестный
 „случай смерти его. Сей выборъ да со-
 „хранится впайнѣ! Пакетъ съ именемъ
 „избираемаго будетъ распечатанъ Собра-
 „ніемъ Депутатовъ, въ присутствіи
 „всѣхъ Генераловъ Сен-Домингской арміи.
 „Генераль Туссенъ уведомитъ Собраніе,
 „гдѣ будетъ хранимъ сей пакетъ.“

„Губернаторъ имѣетъ сношеніе съ
 „Правительствомъ Франціи. Онъ назна-
 „чаетъ людей во всѣ гражданскія и во-
 „инскія должности, управляетъ арміею
 „и морскими силами, печется о внутрен-
 „ней и внѣшней безопасности (всячески
 „отвращая войну, которая есть бѣдствіе
 „для Колоніи), занимается полиціею,
 „предлагаетъ законы, даже и противные
 „конституціи, если опытъ доказы-
 „ваетъ ему необходимость оныхъ; даетъ
 „каждые два года отчетъ Собранію въ
 „приходахъ и расходахъ; смотритъ за
 „книгами, привозимыми въ Колонію, и
 „запрещаетъ вредныя для нравовъ. — Ему
 „опредѣляется въ годъ 500000 ливровъ
 „жалованья. Почетная свража его дол-
 „жна быть на изживеніи Колоніи.“

Я пропускаю многія статьи, кото-
 рыя касаются до учрежденія судовъ, го-

родскихъ и сельскихъ правительствъ , и которыя содержатъ въ себѣ общія положенія (*dispositions générales*). Пусть судитъ Европа о достоинствѣ нашей конспишущи ! Мы находимъ ее для себя мудрою и благодѣтельною.

Туссенъ-Лувертюръ есть нашъ Бонапарте, побѣдитель и примиритель. Онъ родомъ Негръ, и прежде революціи былъ только извѣстенъ по своему здравому разсудку и честности; но въ бѣдственное время Колоніи оказалъ себя Героемъ, образовалъ армію — и если не могъ спасти насъ отъ ужаснаго безпорядка и кровопролитія, то по крайней мѣрѣ спасъ Колонію отъ конечной гибели. Онъ прежде имѣлъ многихъ непріятелей: теперь всѣ отдають ему справедливостъ, и *бѣлые и черные*. — Въ наружности Генерала Туссена есть нѣчто грозное и мрачное, произведенное, можетъ быть, страшными сценами революціи. Онъ молчаливъ и повелительнъ; ведетъ презвую жизнь, и не терпитъ роскоши; не свѣдуецъ въ наукахъ, но знаетъ человека и политику своего острова; самъ не умѣетъ писать хорошо, но поправляетъ написанное; имѣетъ льстивцевъ, но рѣдко вѣритъ имъ; любитъ славу, а еще болѣе признашельностъ согражданъ.

Колонія какъ фениксъ возстаетъ изъ своего пепла. Многія истребленныя плантаціи теперь возобновлены, и скоро придутъ въ цвѣтущее состояніе. Освобожденіе Негровъ, вопреки Англійскимъ Мизантропамъ, не будетъ препятствіемъ для успѣховъ нашей работы. Они нанимаются за небольшія деньги, и трудятся прилѣжно. Но одно время и мудрое правленіе можетъ возвратитъ сей Колоніи прежнее многолюдство ея.

Новѣйшія письма изъ С. Доминго, полученные во Франціи черезъ Американскія Соединенныя Области, говорятъ совсѣмъ иное какъ о новомъ Уложеніи, такъ и Губернаторъ острова, увѣряя, что многіе жители весьма недовольны и шѣмъ и другимъ. По крайней мѣрѣ Французское Правительствѣ недовольно самоуправствіемъ Туссена, и посылаетъ туда войско подъ начальствомъ Генерала Леклера, чѣобы привести все въ новый порядокъ. Любопытно знать судьбу Африканскаго военачальника, которому больно будетъ расстаться съ своею властію; и которой едва ли покорился Французамъ безъ сопротивленія, командуя довольно сильною арміею, ему преданною. Бонапарте, какъ увѣряющъ, не хочетъ, чѣобы

островъ имѣлъ особенную свою конспир-
шудію. Но чѣмъ бы ни кончилась сія испо-
рїя, Туссенъ - Лувертюръ оставитъ имя
свое въ лѣтописяхъ нашего времени: чело-
вѣкъ, которой за 12 лѣтъ передъ симъ былъ
ничто иное, какъ бѣдный Африканскій
невольникъ, а теперь повелѣваетъ боль-
шимъ, многолюднымъ островомъ, и даетъ
ему законы! — Вотъ что говоритъ объ
немъ одинъ Парижскій Журналистъ:

„Льстецы Туссена - Лувертюра увѣ-
ряютъ его, что онъ происходитъ отъ
одного Африканскаго Принца, котораго
имя лѣтъ за триста передъ симъ было
славно въ Конго; но мы знаемъ един-
спивенно то, что онъ обязанъ нѣкоторымъ
просвѣщеніемъ господину своему, С. До-
мингскому священнику, которой выучилъ
его разумѣть буквы. Человѣкъ, знавшій
отце нашъ и нѣсколько сотъ Французскихъ
словъ, могъ быть пророкомъ для грубыхъ
Негровъ. Справедливость пребудетъ ска-
зать, что Туссенъ уменъ и храбръ, но
совсѣмъ не имѣетъ характера; не можетъ
скоро ни на что рѣшиться; всякому обѣ-
щаетъ, кто его проситъ, и рѣдко испол-
няетъ. Англійское Правленіе, вмѣстѣ
съ Американскимъ, желало, чшобы онъ
отложилъ отъ Франціи и объявилъ С.
Домингскую Колонію независимую: Тус-

„сенъ десятиль разъ соглашался на то, и
 „ничего не сдѣлалъ. Извѣстіе о Маренг-
 „ской побѣдѣ привело его въ великой
 „страхъ, и въ сильномъ движеніи души
 „онъ нѣсколько разъ воскликнулъ: *Maringo*
 „*la touyai moi* (*это Маренго убиваетъ меня*).
 „Когда Американской Консулъ возобновилъ
 „свое предложеніе, Герой нашъ ударилъ
 „себя по лбу и отвѣчалъ ему только:
 „*Маренго! Маренго!*“

Теперь скоро увидимъ, есть ли рѣши-
 тельность въ характерѣ Африканскаго
 Генерала.

VIII.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ прошедшій мѣсяцъ занимали и пре-
 вожили Европу болѣе естественные, не-
 жели политическіе феномены; особливо въ
 южныхъ земляхъ. Сильные, безпрестан-
 ные дожди и бури произвели ужасное на-
 водненіе въ Италіи и Франціи. Большія
 рѣки выступили изъ береговъ, и разли-
 вая по долинамъ воды свои, попопляли
 города и деревни. Отъ Пиемонта до Вене-
 ціянскаго залива Италія казалась мо-
 ремъ, усѣянными островами. Рѣки По,
 Тичино, Гревеллоне, соспаляли одно
 бурное, необозримое озеро. Олію, Адда,

Олона и другія также свирѣпствовали. Болѣе всѣхъ другихъ городовъ въ верхней Италіи потерпѣла Манпуя, окруженная болотами: стремленіе воды разрушило въ ней 200 домовъ. Славный мостъ Лодди, напоминающій одно изъ смѣлѣйшихъ воинскихъ дѣлъ Бонапарте, уже не существуетъ. Въ южной Франціи опустошеніе было также безпримѣрное: дѣля селенія исчезли; луга, сады покрыты иломъ и камнями. Мы не ѣздимъ, а плаваемъ по дорогамъ, пишемъ изъ Арля. Въ самомъ Парижѣ Сена заливала весь нижній этажъ Лувра. Съ горъ Альпійскихъ стремились бурныя рѣки и разрушали мирныя хижины пастуховъ; озера Швейцарскія черезъ великое пространство соединяли воды свои. Въ Константинополѣ были страшные вихри; въ другихъ мѣстахъ чувствовали землетрясеніе. Въ Англіи и въ Голландіи свирѣпствовало море и поглотило множество кораблей. — И на сѣверѣ отдалась сія ужасная гроза атмосферы: разлишїе многихъ рѣкъ въ зимнее время представляло у насъ совсѣмъ необыкновенное явленіе. — Однимъ словомъ, какая-то страшная туча съ дождями и бурями носилась надъ Европою и производила феномены, безпримѣрные въ летописяхъ нашей части міра. Люди, кораб-

ли, селенія, погибали. Долго еще не возможно будетъ исчислить, чего стоить человечеству, торговлѣ, гражданской и сельской экономіи сія воздушная революція, которая началась съ Ноября мѣсяца и въ Декабрѣ еще продолжалась въ южной Европѣ. Не есть ли она (говоритъ одинъ Журналистъ) физическое эхо всѣхъ гражданскихъ и моральныхъ бурь послѣдняго десятилѣтія?

Между разными печальными анекдотами сего опустошенія мы замѣтимъ чудесное спасеніе младенца въ окрестностяхъ Марсели: въ самое то время, какъ бурныя волны несли его въ колыбели, онъ игралъ цвѣтами — разительный примѣръ шаспливаго спокойствія невинности, котораго отношеніе ко многимъ бѣдствіямъ общежитія раждаетъ въ душѣ утѣшительныя мысли! —

Обращая взоръ на Полишику, видимъ вездѣ ожиданіе, переговоры и частыя сношенія Кабинетовъ, говорящихъ теперь новое, надежное и по возможности справедливое образованіе политической Европы. Въ Амьенѣ до сего времени нѣтъ другихъ Министровъ, кромѣ Французскаго, Англійскаго и Голландскаго; едва ли и будетъ. Кажется, что въ формахъ Министеріи сдѣлалась такая же перемѣна, какъ и

во многихъ другихъ частяхъ. Нынѣ Державы рѣшаютъ судьбу міра не Конгрессами, а въ Кабинетахъ. Главное сдѣлано въ Лондонѣ и въ Парижѣ: для Амьеня оставлены подробности, преобладающія времени и нѣкоторыхъ соображеній, но не опасныя для друзей мира. Войны уже не будетъ — и сего увѣренія довольно для нашего спокойствія.

Читателямъ Вѣдомостей извѣстны слухи о заговорѣ противъ Бонапарте: новѣйшія извѣстія увѣрили насъ въ ихъ несправедливости. Умы такъ привыкли къ частыхъ Парижскимъ смятеніямъ, что до сего времени не вѣрятъ еще тамошнему спокойствію, и въ каждомъ маленькомъ облакѣ видятъ грозную тучу. Лондонскія Вѣдомости утверждали, что молодой Генералъ Ланъ, котораго Бонапарте называлъ всегда *храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ* (le plus brave des braves) поссорился съ нимъ за его систему, клялся мечемъ своимъ отмстить ему, преклонилъ на свою сторону другихъ Генераловъ, хотѣлъ свергнуть Консула и — заключенъ въ темницу. Нѣмецкіе Журналисты прибавляли, что этотъ ужасной заговоръ открытъ былъ самымъ тѣмъ человекомъ, которому надлежало заступить мѣсто Консула: а именно, Генера-

ломъ Моро; что Массена и Ожеро также были участниками, и проч. Все это есть ничто иное, какъ басня; единственно то справедливо, что Бонапарте опнялъ у Лана начальство надъ Консульскою гвардіею, и предлагаетъ ему ѣхать Министромъ въ Португаллію: то есть, Ланъ въ немилости; но съ заговорщиками такъ крошко не поступаютъ. Бонапарте столько любимъ, и столь нуженъ для щастія Франціи, что одинъ безумецъ можетъ воспастъ прошивъ его благодѣтельной власти.

Бонапартиева жизнь конечно въ опасности — не отъ кинжаловъ убійцъ и заговорщиковъ, но отъ чрезмѣрной дѣятельности ума его, которая всегда бываетъ гибельна для нѣжнаго сложенія; извѣстно, что онъ слабъ здоровьемъ. Пылающая душа можетъ иногда питать угасающій огонь жизни, и даетъ какую-то необыкновенную силу человѣку; но эта *отсрочка* не бываетъ долговременна. Вообразитъ ли обыкновенный человѣкъ, какъ можно работать головою 18 часовъ въ сутки, и всякой день, какъ Бонапарте работаетъ? Какое множество идей должно ему сообщать, приводить въ систему! Какое разнообразіе въ предметахъ дѣятельности! и всякой пребуешь яснаго взора и

спокойствія души, которое, безъ рѣдкой твердости въ характерѣ, не совместило съ великими заботами. Въ *Мониторѣ* печатаютъ описаніе Консульскихъ засѣданій ея Совѣта и разсужденій о новомъ гражданскомъ Уложеніи для Франціи: *любопытно* видѣть, какъ Бонапарте входитъ во всѣ подробности законовъ, какія основательныя замѣчанія предлагаетъ сочинителямъ ихъ, и съ какою *благоразумною* свободою пропировѣчатъ ему; тѣмъ *любопытнѣе*, что мы только въ сихъ засѣданіяхъ видимъ его, такъ сказать, лично на сценѣ и слышимъ говорящаго; во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствія ума его сокрыты завѣсою для публики.

Въ слѣдующемъ номерѣ *Вѣстника* будетъ напечатана рѣчь Порталисова, которая служитъ введеніемъ къ новому гражданскому Уложенію Республики. Первые статьи его, предложенныя на разсмотрѣніе Трибунала, были отвергнуты по большинству голосовъ: ихъ нашли темными и вообще недостойными служить *портякомъ* для храма государственныхъ законовъ. Надобно замѣтить, что онѣ были предложены отъ имени Консульскаго Совѣта. Бонапарте ихъ одобрилъ; слѣдственно самолюбіе его иъкоторымъ образомъ оскорблено въ семъ случаѣ. Ка-

жестя, что Трибуналь хотѣлъ доказатьъ шѣмъ важность свою и независимость.

Бонапарте ѣдетъ въ Ліонъ, гдѣ уже собрались всѣ Депутаты Чизальпинскіе, которые едва могли проѣхать черезъ Сенискую гору, естли не опасную, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительную для путешественниковъ въ зимнее время. Они узнали опытомъ, каково было Консулу иппи съ арміею черезъ снѣжныя Альпы для возстановленія ихъ Республики! Сія чрезвычайная *Консульта* принадлежитъ также къ любопытнымъ явленіямъ нашего времени и Бонапаріевою славы.

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Англійскаго Парламента было только одно важное разсужденіе о правахъ Ост-Индской Компаніи. Дондасъ и другіе Члены предлагали дозволить свободную торговлю въ Индіи; но Министры были защитниками Компаніи, и предложеніе не имѣло слѣдствій. Удивительно, что сіе славное Общество, имѣя въ подданствѣ своемъ цѣлыя обширныя государства и право исключительной торговли въ Индіи, донынѣ все еще обременено долгами.

Англійскіе Журналисты съ нѣкотораго времени сообщаютъ много непристойныхъ анекдотовъ на счетъ Французскаго Правленія и сражаются съ полишикою Бона-

парте, говоря, что онъ намѣренъ сообщить
Английскому Министерству какую-то
особенную систему правленія, которая,
по ихъ словамъ, хороша для внутреннихъ
Французовъ, а не можетъ быть терпима
гордыми Англичанами. Война Журналис-
товъ не опасна для Европы. Зная всѣ
тайны Госпожи Бонапарте и Министра
Талерана, они знаютъ и всѣ медицинскія
подробности Сіесовой болѣзни, о которой
не говорятъ ни слова Французскія газеты.
Они же пишутъ еще, что Бонапарте въ
крайней бѣдности; что онъ хотѣлъ занять
милліонъ у Парижскихъ банкировъ, но
получилъ грубой отказъ!

Трактатъ Франціи съ Гишпаніею,
подписанный въ Мадридѣ Луціаномъ Бо-
напарте и *Княземъ Мира*, теперь обнародо-
ванъ. Гишпанія отдаетъ Республикѣ
Луизиану, обширную землю въ сѣверной
Америкѣ, открытую при Лудовикѣ XIV
и названную его именемъ. Первыя Колоніи
были въ ней Французскія; но онѣ почти
всѣ истребились. Съ 1766 году Луизиана
принадлежала Гишпаніи, которая весьма
мало пользовалась естественными выгода-
ми и плодородіемъ сей земли, заключающей
въ недрахъ своихъ множество богатыхъ
рудъ. Къ физическому характеру ея при-
надлежитъ то, что тамъ рѣдко бываетъ

облачное небо, и почти всегда сіяетъ самое яркое солнце. Въ рукахъ дѣятельнаго Правленія она можетъ быть цвѣтущею и щастливою областію. Думаютъ, что Бонапарте предложитъ ее въ убѣжище тѣмъ Эмигрантамъ, которые не могутъ еще возвратиться во Францію. — Въ семь иракшатъ Тоскана признается навѣки *собственностію* Гишпаніи, и должна быть всегда управляема Инфантомъ фамиліи Гишпанскаго Короля; а Герцогъ Пармскій, котораго сынъ царствуетъ теперь въ Тосканѣ или въ Эпруріи, отдаетъ свое Герцогство въ расположеніе Французской Республики. Вѣроятно, что Бонапарте уступитъ Парму Королю Сардинскому въ замѣну Піемонта.

По слѣдующему письму изъ новой Республики Семи Острововъ можно ожидать для нее мирныхъ и щастливыхъ дней въ будущемъ. Мы должны брать участіе въ ея судьбѣ, по тому что она была нашимъ завоеваніемъ, и напоминаетъ храбрыя дѣла Рускихъ.

Корфу, 10 Ноября.

Семь Острововъ, нынѣ соединенныхъ, были 18 мѣсяцевъ оставлены на произволъ судьбы, но доказали свое миролюбіе и успѣхи нравственности. Во все это время

случилось здѣсь только двадцать убійствъ, а прежде, когда мы принадлежали Венеціи, бывало ихъ ежегодно болѣе шести сотъ. Надѣмся, что Республика наша скоро успѣетъ въ художествахъ и наукахъ. Гениій Греціи, соревнованіе, таланты, пріятности климата, щастливое положеніе, большая удобность для торговли, покровительствово сильныхъ Державъ — все обѣщаетъ намъ цвѣтущее благоденствіе. Мы уже отправили въ разныя мѣста около трехъ сотъ купеческихъ судовъ.
